

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

МАСТЕР-КЛАСС ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА

*Шесть лекций,
прочитанных в Дорнахе
с 11 по 16 октября 1921 года*

Перевод С. Шнитцера

Из библ. № 339

«ЛОНГИН»
ЕРЕВАН, 2011

УДК 1/14
ББК 87
Ш-871

Штайнер, Рудольф

Мастер-класс ораторского искусства / Перев. с нем. С. Шнитцера — Ереван: Лонгин, 2011. — 144 с.

В настоящем издании приведены лекции Рудольфа Штайнера, посвященные правильной подготовке и проведению публичных выступлений. Рекомендации по развитию ораторских навыков и повышению искусства речи, сделанные человеком, прочитавшим около 6000 лекций, фактически составляют мастер-класс ораторского искусства. Автор рассматривает как процесс подготовки к публичному выступлению, так и нюансы такого выступления. Он раскрывает условия приданию речи живости и убедительности, предостерегает от возможных ошибок и затрагивает некоторые вопросы оккультного воздействия оратора на слушателей. Отдельно рассматриваются незапланированные выступления и диспуты.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав

Перевод выполнен по: Rudolf Steiner,
Anthroposophie, soziale Dreigliederung und Redekunst,
Rudolf Steiner Verlag, Dornach (Schweiz), 19.
(Rudolf Steiner Gesamtausgabe, v. 339).

Публикация данного перевода согласована
с Управлением наследием Рудольфа Штайнера
(Rudolf Steiner Nachlassverwaltung)

© Rudolf Steiner Nachlassverwaltung, 1984

ISBN 978-99941-871-8-8

© Лонгин, 2011

От издательства 7

Первая лекция. *Дорнах, 11 октября 1921 г.* 9

Формулировка темы, направление и методика данного курса лекций. О взаимодействии душевных сил оратора и слушателей. Практические советы по подготовке и произнесению речи: речь должна исходить от сердца; следует с пониманием относиться к симпатиям и антипатиям слушателей, учитывать чувство, которое говорящий сам испытывает по отношению к содержанию речи, уяснить себе содержание речи еще при подготовке к

ней; не облекать заранее содержание речи в словесные формулы; в начале речи личность оратора должна заявить о себе; надо выглядеть немного смешным, обратить внимание на заключительную фразу речи; первая и последняя фраза речи должны быть заранее точно сформулированы. Отзыв о Михаэле Бернайсе как ораторе. Волевой элемент речи в связи с подготовкой к ней. Об успехе и провале оратора. Незапланированное выступление (экспромт).

Вторая лекция. *Дорнах, 12 октября 1921 г. 44*

Отдельные аспекты того, что следует предусмотреть оратору. О красноречии. Формы речи и их историко-географическое развитие. Прекрасное, правильное и благое в речи. Ораторская этика. Разговорная манера в среде теософов. Требование раскованности при произнесении речи.

Третья лекция. *Дорнах, 13 октября 1921 г. 77*

О необходимости тщательной подготовки композиции речи и использовании в ней опыта непосредственных жизненных переживаний. Чувство полного удовлетворения, как крите-

рий совершенства речи. Учет состава аудитории. Участие в диспутах. Особенности использования представлений из арсенала пролетарского жизневосприятия.

Четвертая лекция. *Дорнах, 14 октября 1921 г. ...* 92

Об отношениях между оратором и публикой. Влияние речи на состояние желудка. О юморе и атмосфере речи. Некоторые качества умелого оратора: прочувствованное самопреодоление; антипатия к собственным речам и симпатия к чужим речам. О дебатах. Некоторые выводы.

Пятая лекция. *Дорнах, 15 октября 1921 г. ....* 108

Отдельные методические указания для оратора: о духовной жизни следует говорить в лирическом тоне, о правовых отношениях — драматически, а о хозяйственных отношениях — эпически. Обращение к слушателям; о бессмысленности дословной подготовки и об употреблении ключевых слов; формулирование ключевых фраз; соотнесенность начала и окончания речи. Эгоистическая и бескорыстная манеры писать и говорить. О переживании звукописи.

Различные аспекты художественной окраски речи: внимание к процессу вдоха и выдоха у слушателей; понимание логики чувств в ходе речи; апелляция к уху слушателя. Кое-что о речах иезуитов. Логичность и нелогичность речи. Юмор. Значение речевой паузы. О слуховом восприятии.

Рудольф Штайнер прочитал за свою жизнь перед различными аудиториями около 6000 лекций на самые разнообразные темы. Безусловно, его рекомендации по совершенствованию искусства речи представляют значительную практическую ценность. Наше издательство дает русскоязычному читателю возможность ознакомиться с этими рекомендациями, составляющими, по сути, мастер-класс ораторского искусства. Настоящее издание основано на лекциях Рудольфа Штайнера, прочитанных в Дорнахе с 11 по 16 октября 1921 года и опубликованных в 339 томе Полного собрания сочинений (ПСС. Т. 339). Полное

название этого тома «Антропософия, трехчленность социального организма и ораторское искусство. Цикл лекций, ориентированный на общественную активность с особым учетом положения в Швейцарии». Из текста лекций в настоящем издании исключены части, не имеющие непосредственного отношения к заявленной теме, то есть ораторскому мастерству.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 11 октября 1921 г.

Я считаю, содержанием этого цикла должно стать обсуждение того, что необходимо для реального участия в Движении за антропософию и трехчленность социального организма, насколько сегодня представляется возможным помыслить о таком Движении. И значит, говорить мы будем не об ораторском искусстве вообще. Данный цикл лекций будет обращен к тем, кто намерен реализовывать на практике эту задачу.

Те, кто просто поглощают информацию, которую им дает изучение антропософии, мало что вынесут из этого цикла лекций. Ведь в настоящее время нам требуется высокая активность в рамках нашего Движения, но склады-

вается впечатление, что ее трудно пробудить. Трудно вызвать в людях понимание, что такого рода активность в настоящее время действительно необходима.

Так что речь идет не об обычном цикле лекций, посвященных ораторскому искусству, а именно о том, что необходимо каждому, кто хотел бы послужить вышеупомянутой вполне определенной цели. О простой «говорильне» на почве антропософского Движения вообще не может быть и речи. Как раз в этом-то и состоит его отличие от всех прочих явлений нашей современной культуры, современной цивилизации, приверженной к абстрактной болтовне на разные темы, когда конкретные задачи мало принимаются во внимание, а люди питают интерес преимущественно к пустопорожним разговорам.

Поэтому к содержанию этих лекций я подойду не с точки зрения их информационной наполненности (что, безусловно, важно, но не в случае данной, вполне определенной частной задачи), а со стороны прикладного значения устной речи для более эффективного

распространения антропософских идей. Ведь тому, кто ставит своей задачей овладение искусством устной речи, не гарантирована работа с изначально заинтересованной аудиторией. Ему нужно сначала — в пределах одной, двух или трех лекций — пробудить интерес к своему предмету.

Так что мне хотелось бы построить этот курс лекций в совершенно конкретном направлении — и даже общие положения, которые я собираюсь сегодня обсудить, должны трактоваться в указанном совершенно конкретном смысле (хотя кому-то может показаться, что сказанное сегодня и в ближайшие дни будет смахивать на некие абстрактные тезисы, как любят делать в наше время). Сегодня я буду говорить больше о формальной стороне вопроса.

Естественно, всякий раз, когда ставишь себе задачу при помощи устной речи что-то сообщить своим ближним, происходит взаимообмен между тем, кто что-то сообщает, побуждает к какому-то действию, пытается воодушевить, и его слушателями. Происходит взаимодействие душевных сил, и именно на эту обоюдную ак-

тивность мы и хотим в первую очередь направить наше внимание.

Эти душевные силы проявляются в мысли, чувстве и воле, причем не бывает так, чтобы какая-то одна из них действовала совершенно автономно: каждая из этих душевных сил вливается в остальные, поэтому, когда мы думаем, в нашем мышлении также постоянно присутствуют и чувство, и воля, равным образом, как в нашем чувстве — мысль и воля, а в воле — в свою очередь, мысль и чувство. И тем не менее душевную жизнь (также и в случае нашего взаимодействия с другими людьми) невозможно трактовать иначе, как устремленную, с одной стороны, в направлении мышления, а с другой — в направлении воли. И тогда в свете поставленной нами сегодня задачи мы должны усвоить: то, что мы думаем, не интересует никого; и тому, кто считает, будто его мысли уже сами по себе могут кого-то заинтересовать, вряд ли стоит надеяться на ораторские успехи. (Об этом в дальнейшем мы поговорим подробнее.) Что касается воли, которую мы стремимся вложить в нашу речь, желая воодушевить группу людей, а бы-

наши мысли никого не интересуют, а наша воля только раздражает — не следует считать обобщением.

Нам следует также учесть: когда кто-то говорит, то он по большей части руководствуется отнюдь не принципами ораторского искусства, он действует по обстановке. Бывает, он высказывается по поводу обстоятельств, которые как раз в той местности, где он выступает, уже неделями обсуждаются устно или в печати. И естественно, его слушают с совершенно другим интересом, чем если бы он впервые заговорил о том, о чем его слушатели до сих пор не имели никакого представления. Когда кто-нибудь выступает здесь, в Гётеануме, то, естественно, его воспринимают совершенно иначе, чем если бы он говорил в какой-нибудь пивной. Я уже молчу о том, что в Гётеануме, скорее всего, имеешь дело с аудиторией, которая продолжительное время занималась соответствующими штудиями, что-то читала на заданную тему или слышала, тогда как в пивной на это едва ли приходится рассчитывать. Я имею в виду всю окружающую обстановку:

вает, всего лишь одного-единственного человека, то она только раздражает слушателей и заставляет их инстинктивно обороняться.

Обращаясь к людям с речью, в первую очередь сталкиваешься с проявлением определенных инстинктов. Мысли, которые человек развивает в себе, никого не интересуют, а его воля только раздражает остальных. Так что, побуждая кого-то желать того или иного, мы сначала неизбежно вызываем его раздражение. И если мы намереваемся свои самые блистательные и гениальные соображения донести до людей в форме монолога, то эти люди просто разбегутся. Знать это необходимо, ибо это самый первый, основополагающий тезис ораторского мастерства.

Я не утверждаю, что именно это характерно для бытового общения людей — скажем, за чашкой кофе. Но сейчас речь идет не о будничных вещах, а о том, что должно нас воодушевлять, что должно жить в нас как истинное побуждение к овладению ораторским мастерством, которое необходимо для достижения указанной цели. Приведенную здесь максимуму —

выступление в таком общественно-культурном здании, как Гётеанум, дает возможность обращаться к публике совершенно иначе, нежели в пивной. Таким образом, обстоятельства определяют направление речи и их обязательно надо принять во внимание.

Наше время дает нам много примеров неудачных выступлений. Однако этот отрицательный опыт очень поучителен. Возьмем крайний случай: какой-нибудь весьма посредственный профессор выступает с речью. Самое важное для него — собственные соображения, и он убежден, что его соображения в рассматриваемой области самые правильные в мире. И вначале его вообще ничего, кроме этого, не интересует. Он записывает свои соображения: изложенные на бумаге, они, естественно, выглядят хорошо. Затем он засовывает свою рукопись в карман, направляется в Гётеанум или в пивную — безразлично куда, подыскивает какую-нибудь кафедру, достаточно удаленную от наблюдателей, выкладывает на нее свою рукопись и читает по ней. Я не утверждаю, что так поступают все, но это нередкий случай, весьма

характерный для нашего времени и указывающий на серость выступлений наших современников, способных вызвать самое настоящее отвращение.

Я уже говорил, что наши мысли не интересуют других людей, а наша воля только раздражает их, поэтому все сводится к эмоциям; выходит, для говорящего важнее всего вызвать определенное эмоциональное состояние. На практике бывает, что решающее значение зачастую приобретают совершенно неподобающие чувства. Вот и слушая такого лектора, как в приведенном случае, можно испытать только самое неподдельное отвращение. Однажды я присутствовал на лекции знаменитого Гельмгольца¹, которую он читал в большой аудитории как раз в этом духе: вытащил из левого кармана свой манускрипт и принялся его читать. Помню, по окончании лекции ко мне по-

---

¹ Имеется в виду лекция немецкого физика и физиолога Германа фон Гельмгольца (1821—1894) «Гётевское предчувствие грядущих научных идей», прочитанная в Веймаре в 1892 г. по случаю Генерального собрания Гётевского общества.

дошел один журналист и сказал: «Не лучше ли было бы автору напечатать эту лекцию и вручить каждому по экземпляру при рукопожатии?» Гельмгольц ходил бы тогда по рядам и пожимал всем руки! И он, надо думать, заслужил бы гораздо большее признание слушателей, которые были осуждены на тягостное и долгое высиживание на твердых стульях. Ведь самостоятельно они могли бы прочесть текст гораздо быстрее. (Большинству же вообще требуется продолжительное время, чтобы вникнуть в предмет, и одним внимательным слушанием здесь не обойтись.)

Надо как следует продумать все эти конкретные вещи, если хочешь понять, как реально овладеть ораторским искусством.

Например, на философском конгрессе в Болонье основные выступления были предварительно напечатаны на трех языках в трех экземплярах и разложены в зале на каждом стуле. Чтобы освободить стул, нужно было сначала взять эти экземпляры в руки, и можно было пробежать глазами эти речи, которые длились в среднем больше часа. Однако в результате

прочтения самая прекрасная речь превращается во что-то другое, так как понимание напечатанного текста существенно разнится от воспринятого на слух. Все подобного рода вещи надо принять во внимание, если хочешь полностью выполнить поставленную задачу.

Разумеется, и роман может нас так растрогать, что мы в определенных местах даже прослезимся. Я, конечно, подразумеваю хорошо написанный роман, но столь эмоционально мы реагируем только в определенных местах, — невозможно «проплакать» весь роман от начала до конца. Однако что же, собственно, происходит в процессе восприятия прочитанного? Восприняв прочитанное, мы произвели определенную работу, прочно связанную с нашим душевным устройством. Ибо неграмотный не может проделать такую работу. Когда мы читаем, то внутренне трудимся. И этот труд заключается в том, что, пробегая глазами печатные буквы и складывая их в слова, мы в результате осмысливаем значение прочитанного. Этот процесс осмысления происходит в эфирном теле, а в сопутствующем процессе воспри-

ятия глазами в высокой степени задействовано и физическое тело.

Но при прослушивании все описанные процессы не происходят. А ведь эта работа определенным образом связана с процессом осмысления — без нее осмысление невозможно. Во время слушания задействовано не только эфирное тело и частично физическое (то есть ухо как физический орган чувств), во время слушания требуется столь подвижная душевная жизнь, что она не ограничивается астральным телом, а вызывает вибрации и в эфирном теле, которое, в свою очередь, пробуждает вибрации в теле физическом. Те активные процессы, которые происходят при чтении, равным образом должны развиваться и во время слушания речи, но, надо заметить, это происходит в совершенно другой форме. Энергия, расходуемая нами при чтении, это — трансформированное чувство, чувство, проникающее в эфирное и физическое тела. И даже слушая абстрактнейшую из речей, мы сами должны наполнять ее эмоциональным содержанием, то есть должны привносить в нее чувства.

Действительно, наши мысли как таковые никого не интересуют, волевые импульсы только раздражают всех, и только лишь наши чувства производят то, что создает необходимое впечатление от речи и обуславливает ее воздействие (разумеется, в позитивном смысле) на слушателей.

Отсюда возникает важный вопрос: как внести в нашу речь нечто такое, что в достаточной мере (однако без навязчивости, иначе это превратится в суггестию или гипнотическое воздействие) способно вызывать желаемую эмоциональную окраску, придать нашей речи эмоциональность?

Не существует абстрактных правил, соблюдая которые, можно говорить эмоционально. Тот, кто следует разным инструкциям о том, как говорить эмоционально и производить желаемое впечатление, сразу заметит, что его речь, вне сомнения, исходит не от сердца. Такая речь исходит от чего угодно, но только не от сердца. А ведь любая речь должна всецело исходить от сердца. Даже самая абстрактная речь должна исходить от сердца, и это вполне осуществимо.

Это как раз то, что нам следует обсудить: как даже самая абстрактная речь может всецело исходить от сердца.

Мы должны отдавать себе отчет о том, что происходит в душе слушателя, — и не только когда говорим то, что ему нравится, но и в тех случаях, когда заставляем его прислушиваться к нашему мнению, мнению оратора. Ибо любое выступление с речью перед ближними — всегда своего рода нападение на них. И мы должны как следует осознавать: любое наше выступление с речью — это всегда некая атака на слушателя.

Сделаю попутное замечание: вышесказанное опять-таки представляет собой некую максиму — опорный тезис — для оратора, это вовсе не характеристика социальных отношений и тому подобного; это опорный тезис исключительно для нужд оратора. Если бы мне вздумалось говорить о социальных отношениях, естественно, я бы не стал выдвигать такой тезис. Это было бы глупостью. Ибо когда говоришь что-то конкретное, то тезис «Наши мысли никого не интересуют» может ока-

заться либо чем-то очень умным, либо же полной глупостью. Все, высказываемое в общечеловеческом плане, всяческие обобщения, могут оказаться или глупостью, или чем-то умным, — в зависимости от того, в какого рода взаимосвязь они поставлены. Вот почему для оратора необходимы совершенно другие подходы, нежели формальное введение в ораторское искусство.

Итак, дело сводится к тому, чтобы понять, что, собственно, происходит со слушателем. А происходит следующее: у него возникают симпатии и антипатии, которые проявляются более или менее бессознательно, когда мы нападаем на него со своей речью. Симпатии или антипатии! Не подлежит сомнению, что поначалу слушатель не испытывает никакой симпатии к нашим мыслям. Равным образом он их не испытывает и к нашим волевым устремлениям — к тому, чего мы от него хотим, к чему мы хотим его призвать. Что касается слушательских симпатий и антипатий, то, если намереваешься в какой-то степени овладеть ораторским искусством, необходимо отнестись

к ним с определенным пониманием. Симпатии и антипатии, возникающие у слушателя и сопровождающие твою речь, не имеют ничего общего с твоими мыслями и твоим волеизъявлением — они проявляются исключительно на эмоциональном уровне и для того и предназначены. Участливое понимание симпатий и антипатий слушателя только преграждает нам доступ к нему, такая участливость во время речи должна целиком и полностью оставаться незаметной для слушателя. Реагирование на симпатии и антипатии влияет на нас таким образом, что мы начинаем как бы спотыкаться о собственные ноги, они у нас как бы заплетаются. Нечто похожее начинает происходить и с нашей речью, когда мы пытаемся тотчас же корректировать ее в ответ на симпатии и антипатии слушателя. Мы должны чутко улавливать симпатии и антипатии слушателей, однако ни в коей мере не идти у них на поводу! То, что воздействует на симпатии и антипатии слушателя, нам следует вложить в нашу речь окольными путями — еще при подготовке к ней.

Указания и правила абстрактного характера играют столь же малую роль для оратора, сколь и для художника или скульптора. Но как существуют внутренние побуждения для живописца, так же они могут существовать и для оратора, владеющего искусством речи. И все сводится только к тому, чтобы воспринять эти побуждения со всей серьезностью.

Возьмем для примера обращение учителя к детям. Разговорный момент в процессе обучения в наименьшей степени зависит от одаренности и эрудированности учителя — менее всего он зависит от того, хорошо или плохо он сам усвоил математику или географию, то есть от того, является ли он хорошим математиком или хорошим географом. Можно быть превосходным географом и при этом быть плохим преподавателем географии. Искусство преподавания (а это по большей части искусство речи) зависит от чувства, которое человек некогда пережил по отношению к преподаваемому предмету и которое снова пробуждается в нем, когда он обращается к ребенку. Вот почему, в частности, педагогика Валь-

дорфской школы основывается на человековедении, на познании психологии ребенка. И в данном случае речь идет не о какой-то абстрактной психологии, а о всеобъемлющем постижении существа ребенка, о вживании в его существо благодаря сгустку чувства, порожденного непосредственным общением с ним и самоотдачей, основанной на доброжелательности и любви. Тогда на базе восприятия данного конкретного ребенка, а также на основе того, что преподаватель сам некогда прочувствовал и пережил по отношению к преподаваемому предмету, и возникает, причем совершенно инстинктивно, верный подход именно к этому ребенку.

Совершенно бесполезно, к примеру, пытаться передать отсталому ребенку всю ту «мировую мудрость», которой ты сам обременен, — она может принести пользу только во время твоей подготовки к уроку. А в процессе преподавания надо располагать определенной гениальностью, состоящей в том, чтобы самому стать тупым, как этот ребенок, причем твое духовное богатство должно жить только в вос-

помяну о том, каким мудрым ты был вчера, готовясь к занятиям. С отсталым ребенком надо быть отсталым, с никчемным (по крайней мере, в манере обращения) — быть никчемным, с шустрым ребенком — уметь быть шустрым и так далее. Я надеюсь, что предлагаемое мной определение не вызовет у вас слишком активного неприятия, ибо оно весьма затрагивает в человеке мысли и волю. Учителю следует быть действительно своего рода хамелеоном, если он хочет правильно преподавать свой предмет.

Вот почему мне так нравится то, что придумали, будучи хорошими профессионалами, многие учителя Вальдорфской школы в целях повышения дисциплины учащихся. Например, наш друг Вальтер Иоганнес Штайн¹ при изучении Жана Поля² предложил ученикам сочи-

---

¹ *Вальтер Иоганнес Штайн* (1891—1957) — историк и публицист. В 1919—1932 гг. преподаватель истории в Вальдорфской школе в Штутгарте.

² *Жан Поль* — псевдоним. Настоящее имя Иоганн Пауль Фридрих Рихтер (1763—1825) — немецкий писатель.

нять, а затем и доставлять друг другу письма, чтобы испытать на себе все сложности почтового делопроизводства, — так он включил в свой урок как бы маленькую главу, относящуюся к существу почтового дела! И это дисциплинирует гораздо сильнее любых дисциплинарных увещеваний. При этом технология почтовых услуг как бы включается в учебный процесс. Естественно, такого рода новация требует находчивости в конкретной ситуации, умения действовать по обстановке. И надо знать, что те симпатии и антипатии, которые мы стремимся пробудить в учениках или в слушателях, заложены гораздо глубже, нежели обычно принято считать.

Поэтому необычайно важно, чтобы учитель (и в первую очередь в процессе подготовки, приступая к очередному разделу своего предмета) полностью отдавал себе отчет в том, как он сам в свое время изучал этот раздел, когда был в возрасте своих учеников, и что он при этом чувствовал. Но это требуется не для того, чтобы на следующий день в процессе урока педантично делать вид, будто ты снова испы-

тываешь что-то похожее! Нет, вполне достаточно и того, что это чувство возобновляется на подготовительной стадии. Главное же состоит в том, чтобы во время урока действовать как раз на основе описанного психологического механизма.

В сущности, дело сводится к тому, что мы сами изыскиваем в себе возможность на основе чувства излагать речевой материал, который, как уже было сказано, составляет часть процесса преподавания.

Итак, чтобы лучше всего усвоить описанный механизм воздействия, нужно понять следующее: хотя наша речь должна быть проникнута эмоциональным элементом, мы все же не можем напрочь вычеркнуть элемент мыслительный, несмотря на то что наши мысли не интересуют наших слушателей; мы также не можем лишить нашу речь и волевого элемента, хотя он и раздражает наших слушателей (ведь нередко мы специально намереваемся говорить так, чтобы наша речь затрагивала волевою активность слушателей, пробуждала в них активность к действиям). Но в любом

случае не следует строить речь таким образом, чтобы наши мысли наскучили слушателям, а воздействие на их волю пробудило в них антипатию.

Поэтому все сводится к тому, что сначала — прежде чем произнести речь — мы должны наедине с собой продумать ее информационную часть, причем как можно подробнее, так, чтобы мыслительный элемент целиком и полностью был обращен в первую очередь к нам самим. И это ни в коей мере не связано с тем, бегло ли мы говорим, или же неровно, с запинками. Последнее, как мы увидим, зависит от совершенно других обстоятельств. Но то, что призвано как бы бессознательно действовать в нашей речи, должно быть обусловлено предварительной подготовкой к выступлению — когда мы сами с собой обсуждали мыслительное содержание речи. Предварительно надлежит произнести мыслительный монолог, который должен быть как можно более живым. И этот мыслительный монолог строится таким образом, что при подготовке к речи мы сами себе выдвигаем различные контраргументы и всевозмож-

ные возражения. Ибо предварительное мыслительное переживание речи — это единственное средство изъять из нее то жало, которое при всех других обстоятельствах направлено на слушателей. Мы можем как бы «подсластить» для них нашу речь, поскольку «кислоту» мыслительной ткани, логического построения, мы уже впитываем сами на подготовительной стадии. При этом по возможности нужно стараться не сводить содержание речи к выработанным словесным формулировкам (я, разумеется, указываю на крайности, поэтому не надо все прямолинейно обобщать). Эта предварительная подготовка должна быть такой, чтобы, приступая к речи, мы не имели ни малейшего представления о том, как сформулировать наши тезисы. Мыслительное содержание должно уже быть готово. Буквальная же словесная формулировка всей речи в конечном счете никогда не даст хорошего результата. Ибо это похоже на то, как если бы мы записали речь на бумаге. Остается только представить, что вместо нас поставлен фонограф, который механически воспроизводит за-

пись, ибо разница между записанной речью и механическим воспроизведением весьма невелика. И если мы предварительно так потрудились над речью, что можем слово в слово механически повторить ее, то мы мало чем отличаемся от фонографа. Ведь между прослушиванием предварительно заученной речи и простым чтением текста разница невелика, разве что при чтении у вас над душой не стоит лектор, а во время слушания такой заученной слово в слово речи оратор вам постоянно мешает. Итак, мыслительная подготовка только тогда проведена правильно, когда она целиком — вплоть до полнейшего слияния с ней (но исключительно на уровне мыслей) — предшествует произнесению речи. Необходимо предварительно самому проделать то, что хочешь затем преподнести аудитории.

Вообще-то при произнесении обычной речи перед незнакомой аудиторией существуют отдельные исключения. Когда перед такой аудиторией сразу начинаешь с того, что все выработанное при мыслительной подготовке выкладываешь с самых первых слов, можно сказать,

под влиянием вдохновения, то опять-таки приносишь слушателям мало пользы. Как раз в начале надо как-нибудь заявить о своей особе; не стоит, приступая к речи, сразу исключать личный элемент, ибо в первую очередь необходимо пробудить у слушателей, если можно так выразиться, эмоциональный настрой.

Не следует сразу же делать то, что однажды проделал весьма известный в определенных кругах профессор, историк немецкой литературы Михаэль Бернайс¹. Однажды он прибыл в Веймар, чтобы там прочитать лекцию по истории учения Гёте о цвете, и ему хотелось с первых же слов энергично захватить внимание слушателей. Но все произошло вопреки его желанию. В Веймар он прибыл за пару дней до лекции. Веймар — это маленький городок; там можно уже на улицах повстречать тех, кто позднее будет присутствовать в лекционном зале, и таким образом настроиться на будущую речь. Кроме того, люди рассказывают

---

¹ *Михаэль Бернайс* (1834—1897) — историк литературы и исследователь Гёте.

друг другу о приехавшем лекторе, и в результате весь зал уже заинтригован до начала лекции. Итак, профессор Михаэль Бернайс пару дней прогуливался по Веймару и наконец решил: «Я не стану готовиться к этой речи — в нужный момент меня осенит свыше; мне надо только дождаться подходящего момента». Лекцию ему предстояло прочитать в веймарском «Зале отдыха». Был жаркий летний день. Окна были распахнуты, а непосредственно перед окнами этого «Зала отдыха» находилась птицеферма. Бернайс занял свое место и стал ждать, пока его осенит. Весь Веймар уже знал: Михаэля Бернайса должно осенить свыше. И представьте себе, в тот самый момент, когда Бернайс ждал откровения, с улицы донеслось: «Ку-ка-ре-ку!» Каждый знал: это Михаэлю Бернайсу был глас свыше! Атмосфера накалилась, однако это были эмоции совсем другого рода, чем ожидал лектор. Хотя определенный настрой в зале все же возник.

Я рассказываю это не в качестве забавного анекдота, а хочу обратить ваше внимание на то, что речь в основном должна быть готова

заранее. Ее нужно медитативно проработать в мыслях, и затем она будет свободно формулироваться. А шутка и самоирония в начале речи для того и нужны, чтобы несколько поднять настроение: юмор нравится публике, и она охотнее будет вас слушать. Если не выставить себя немного смешным (но только немного, все должно действовать исключительно на подсознание), то, когда надо где-то произнести одну-единственную речь, трудно правильным образом захватить публику. Естественно, нарочитость не должна бросаться в глаза — достаточно воздействия на подсознательном уровне.

Максимум допустимого для одного такого выступления — это буквально сформулировать первую, вторую, третью, четвертую, ну, может быть, еще и пятую фразу, — и это уже предел. А затем приступаешь к тому, что было подготовлено, как я уже описал. И опять-таки следует запастись точной словесной формулировкой концовки речи. Ибо для концовки, если ты настоящий оратор, ты должен припасти что-то волнующее, а это постоянно вызывает у оратора тайные опасения не найти на ходу

подобающей фразы. Все это необходимо для колоритности речи. В заключение речи требуется завоевать сердца слушателей, поэтому у оратора и возникает опасение за финальную фразу. И чтобы оратору достойно справиться с этим, когда он весь в поту и в волнении заканчивает свою речь, ему следует во время подготовки присовокупить еще и точную формулировку последних четырех, максимум пяти фраз. Таким образом, речь должна протекать в обозначенных рамках: заpastись формулировкой первой и последней фраз, а в промежутке речь должна быть совершенно свободной. Как было сказано, это, конечно, предельный случай.

Теперь, может быть, многие из вас скажут: «А как быть, если я вообще не умею так говорить?» Не надо сразу утверждать, что дела обстоят настолько плачевно, и тебе вообще не следует выступать. Ведь это в природе вещей, что все мы умеем более или менее сносно говорить, поэтому нет нужды воздерживаться от выступлений, если даже что-то не в порядке. Однако надо стремиться так исполнять при-

веденные указания, чтобы эти правила стали для вас чем-то совершенно естественным. К тому же есть одно прекрасное средство стать, по крайней мере, вполне приличным оратором, даже если ты вообще поначалу чувствуешь себя неспособным произнести перед аудиторией ни одного слова. Могу вас заверить, что даже если вы 50 раз провалитесь, то на 51-й раз все пойдет прекрасно — именно потому, что сначала вы 50 раз осрамитесь. И тот, кому 50 раз мало, может попробовать и 100 раз, пока в один прекрасный день не произнесет хорошую речь. Естественно, никому не захочется произнести прекрасную речь, стоя одной ногой в могиле, а перед тем испытывать стыд и позор; но, по крайней мере, ваша предсмертная речь будет хорошей, если до той поры вы уже познали провал своих выступлений. Это надо постоянно иметь в виду, и тогда из вас, несомненно, получится настоящий оратор. А чего вообще не надо делать, так это прислушиваться к мнениям посторонних: их надо держать на некотором расстоянии, избегая слишком тесного общения с ними.

Привычные разговоры, которые ведутся на бытовом уровне, когда один человек запросто разговаривает с другим — совершенно не то, что публичные выступления и вообще выступления перед любой аудиторией. Максимум возможного — это изредка включать в свою речь какой-нибудь бытовой оборот. Ибо следует сознавать, что материал, имеющийся у вас про запас в качестве сформулированной речи, будучи произнесенным перед слушателями, как правило, выглядит в обычной жизни чем-то либо слишком утонченным, либо грубоватым. Так что, как правило, это никуда не годится. Манера обращаться к публике, используя фразы из повседневной жизни, постоянно балансирует между двумя крайностями — между грубой откровенностью и фальшью или неприличием. Обеих крайностей необходимо избегать в публичной речи и допускать их только «в скобках». Иначе слушатель почувствует недоверие к вам и подумает: «Оратор говорит, как и положено оратору, а на самом деле провоцирует аудиторию, неожиданно как бы втягивая нас в разговор; либо он

хочет нас немного задеть, либо же подсластить пилюлю».

Нам надлежит также правильным образом привнести в нашу речь и волевой элемент. И это опять-таки можно осуществить благодаря предварительной подготовке, в процессе которой мы продумываем тему, вкладывая в нее собственный энтузиазм и как бы лично ее переживая. Что я под этим подразумеваю? Видите ли, в первую очередь надо окончательно оформить мыслительный элемент, усвоить его как следует. И затем, переходя к следующей части предварительной подготовки, ты уже сам начинаешь как бы прислушиваться к содержанию речи. Начинаешь прислушиваться к собственным мыслям. Как уже было сказано, их не следует формулировать дословно, но тем не менее к ним начинаешь прислушиваться. И этот прием позволяет ввести волевой элемент в правильную колею — колею внутреннего внимания к самому себе. Ибо благодаря тому, что мы внутренне прислушиваемся к самим себе, мы и добиваемся в нужном месте речи необходимой реакции слушателей: энтузи-

азма или неприятия, симпатии или антипатии. Этот волевой элемент, внутренне переживаемый нами в процессе подготовки, проявляется затем в модуляциях нашего голоса. Говорим ли мы внушительно или безразлично, ясно или туманно — все это исключительно результат того, что в процессе предварительной медитативной подготовки мы вложили чувство и волю в мыслительное содержание речи. И образ наших мыслей мы должны постепенно перевести в общий рисунок речи. Ибо продуманность присутствует также и в структуре нашей речи, но не в словах, а между слов, в том, как подбираются слова, как строятся фразы, в расстановке фраз. И чем глубже мы продумываем это КАК нашего выступления, тем сильнее можем воздействовать на волю других. Мы покоряем слушателей именно тем, что сумели вложить в словесное оформление и в композицию нашей речи.

Когда вам говорят, что все вы, в сущности, лентяи, не желающие безотлагательно делать все возможное для воплощения идеи трехчленности социального организма, это только раз-

дражает вас. Но если мы преподносим рациональную основу трехчленности в рамках речи, которая скомпонована натуральным образом (то есть структурирована так, что несет в себе своего рода сокровенную трехчленность, поскольку мы сами внутренне убеждены в необходимости трехчленности социального организма, убеждены со всей силой чувства и волевого устремления), — тогда она производит благоприятное впечатление на слушателей, воздействуя при этом на их волю.

Когда мы применяем мыслительную активность, чтобы придать нашей речи художественное оформление, то при произнесении речи это незаметно воздействует на волю слушателей. А то, что проистекает из нашей собственной воли, что воодушевляет и увлекает нас самих, в большей степени воздействует на мысли слушателей, пробуждает в них мысли. Вот почему оратора, воодушевленного своим предметом, легче понимают, а равнодушный к своему предмету, но искусный оратор может легче воздействовать на волю слушателей. Однако при всем при том должно учитываться

наипервейшее правило, главная установка: невозможно произнести речь, если она предварительно как следует не подготовлена.

Да, но как быть, если нам надо выступить экспромтом, произнести незапланированную речь, когда нам надлежит спонтанно дать ответ, — мы ведь не можем вернуться во вчерашний день, чтобы промедитировать необходимые возражения и удерживать их в памяти. Как уже говорилось сегодня, так дело не пойдет! И все же это получается! Причем получается так, что как раз в этот момент мы бываем абсолютно честными. А случается, что на нас нападают и кто-то выглядит в наших глазах непозволительно грубым, поэтому мы незамедлительно должны дать ему отпор, — тогда это уже сильный эмоциональный фактор. Итак, эмоции уже надлежащим образом возбуждены. И это — замена тому, что нам требуется во время предварительной подготовки, чтобы подстегнуть наше воодушевление и тому подобное. А это ведь нужно предварительно еще и представить в своих мыслях. Но когда мы претерпеваем такого рода нападение, мы не можем сказать ни-

чего другого, кроме того, что в любой момент говорим как зрелые люди, и к этому мы уже должным образом подготовлены.

Как раз в подобных случаях дело сводится к общей установке всегда быть искренним и говорить только правду. И тогда уже, как правило, присутствуют все предпосылки для понимания, если только целью нападок не является желание втянуть нас в дискуссию. Об этом мы еще поговорим. Ибо в последнем случае все должно сводиться к тому, чтобы вообще отмолчаться, не произносить речь и делать нечто совершенно другое. Это принесет нам гораздо больше пользы, в чем мы убедимся в конце этого цикла лекций. Ибо чтобы действовать в том направлении, о котором я говорил в самом начале этой лекции, нам надлежит не просто произносить речи, но и вступать в дискуссию с нашими единомышленниками (и, само собой, с нашими единомышленницами). И разумеется, об этом тоже следует поговорить, причем весьма подробно.

Я попросил бы вас рассматривать сказанное сегодня в первую очередь с той точки зре-

---

Дорнах, 11 октября 1921 г.

ния, которая хоть сколько-нибудь дает представление о том, как трудно усвоить ораторское искусство. Но особые трудности испытываешь, когда не просто говоришь, а говоришь именно о том, как надо говорить. Это все равно что живописать живопись или ваять ваяние! Так что задача совсем не простая. Но мы попробуем как-то справиться с ней в последующие дни.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 12 октября 1921 г.

Сегодня, планируя публичные выступления на антропософские темы, в том числе и о Движении за трехчленность с его многообразными социальными последствиями (а оно является производным антропософии и, в сущности, должно осмысливаться в ее рамках), следует отдавать себе отчет в том, что встретить понимание со стороны слушателей довольно трудно. И если не ощущать трудностей такого понимания, то вряд ли можно стать серьезным оратором в сфере антропософской духовной науки и всего, что с ней связано. Ибо если необходимо конкретно говорить об антропософии, то надо говорить совершенно иначе, нежели это принято в дру-

гих — традиционных — областях науки. Ведь многие уже поднаторели говорить и об антропософских темах в той же манере, как это свойственно вообще говорить в эпоху материализма. Но в результате это скорее препятствует пониманию антропософии, нежели открывает к ней доступ.

Сначала мы попытаемся уяснить себе то содержательное, то конкретное, что несет нам сама антропософия и то, что из нее вытекает. Как было сказано вчера, я буду говорить в этих лекциях об ораторском мастерстве применительно к антропософии, а также сопутствующим ей темам, так что сказанное мной пригодно только для этого.

Теперь нам нужно уяснить, что идея трехчленности социального организма в первую очередь должна пробудить у наших современников эмоциональную реакцию. Это следует из нашего опыта, выявившего, что современная публика поначалу с трудом воспринимает понятие трехчленности, и наши речи сначала должны медленно и постепенно готовить ее именно к эмоциональному восприятию этой идеи.

Ведь в эпоху господства материализма вошло в привычку разглагольствовать о вещах внешнего мира, который для многих сам по себе является своего рода руководством. И кроме того, предметы внешнего мира настолько прочны и стабильны сами по себе, что пусто-порожня болтовня о них ничего не меняет; ведь главное — чтобы на пути построения мировоззрения внешний мир признавался в качестве руководства. В конечном счете дело обстоит так: когда, допустим, где-то проводится научно-популярная лекция с показом экспериментов и народ просвещают насчет того, как то или иное вещество реагирует в реторте, тогда слушатели сами становятся очевидцами этой реакции веществ в реторте, а то, как говорит оратор (немного лучше или немного хуже, немного конкретнее или немного расплывчатее) — в принципе никакой погоды не делает. И постепенно сложилось так, что люди устремляются на подобные лекции и выступления только затем, чтобы увидеть их экспериментальную часть, а слова воспринимаются как более или менее приемлемое сопровождение, шумовой

аккомпанемент. Приходится заострять внимание на таких вещах, чтобы правильно уловить то направление, в котором движется современная цивилизация. А по поводу необходимости пробуждать у слушателей деловую активность, воздействовать на их волю бытует устоявшееся мнение, что надо навязывать людям идеалы, надо приучать их руководствоваться идеальным, — а в результате общепризнанные умы современного цивилизованного мира постепенно сползают в утопию, и это становится особенно очевидным, когда они, например, пытаются оспорить идею трехчленности социального организма.

<...>

Наподобие того, как отдельный орган в организме строго подчинен общей целесообразности, так и в мире, в котором мы живем и в преобразовании которого участвуем, все должно формироваться, исходя из целого. Если ваше мышление опирается на реальность, то вы не сможете даже помыслить, что, допустим, строение мочки ушей не отвечает целесообразно-

сти всего вашего организма. Будь мочки ваших ушей хоть сколько-нибудь иначе сформированы, в этом случае у вас была бы другая форма носа, другая форма пальцев и так далее. Значит, и ораторские выступления, реально устремленные к новым формам, должны выстраиваться с учетом целого — точно так же, как мочки ушей, сформированные таким образом, что несут на себе печать целостности всего организма.

Эти выступления не могут происходить по архаичному образцу проповедей. Ибо нынешние проповеди основываются на традиции, восходящей к Древнему Востоку; и в них еще прослеживается то особое отношение к разговорной речи, которое было свойственно всем жителям Древнего Востока. Эта особенность позднее не была утрачена — она некоторым свободным образом ожила в Греции, затем в Риме, а в наши дни отчетливей всего проявляется в особом отношении к речи, свойственном французам. Я не хочу этим сказать, что каждый француз что-то «проповедует», когда говорит, но в способе употребления им вербального эле-

мента все еще живет нечто похожее на древневосточное отношение к речи, хотя и в предельно скомканном виде.

Вербальный элемент — реликт того, что в более поздние времена (но уже в выродившейся форме) можно было наблюдать у профессоров, которые превратились в своего рода мумии древних времен и носили титул «профессоров красноречия». В старые времена почти в каждом университете, в каждой школе, а также в семинариях, имелся такой профессор красноречия, профессор риторики. Так, знаменитый Куртиус¹ из Берлина еще официально носил титул «профессора красноречия»; но происхождение этого титула для него самого было покрыто мраком неизвестности, и он не столько обучал красноречию, сколько в качестве профессора красноречия произносил речи по случаю праздников перед коллегией профессоров, так как именно в этом и усматривали главную задачу профессора красноречия. Что ка-

---

¹ Эрнст Куртиус (1814—1896) — археолог и историк; с 1871 по 1893 г. постоянный секретарь Немецкой академии наук.

сается Куртиуса, то задачу подобных праздничных выступлений он решал для себя просто: по возможности меньше всего считался с древними правилами красноречия. В остальные, будние, дни ему казалось неловким быть профессором красноречия во времена, когда красноречие более не вписывалось в атмосферу эпохи, и он предпочитал читать лекции по истории искусства, по истории греческого искусства. Но в университетском табеле о рангах он значился как «профессор красноречия». И это свидетельствует о том, без чего в стародавние времена не обходилось ни одно ораторское выступление.

Если же мы проанализируем самые характерные особенности построения речи в нынешних среднеевропейских языках (в том числе и немецком), то увидим, что слово «красноречие» в его изначальном значении здесь не имеет ни малейшего смысла, так как в эти языки уже успело влиться нечто совершенно отличное от того, что было свойственно разговорной речи в те времена, когда к красноречию относились с полной серьезностью.

О красноречии можно говорить применительно к греческому и латинскому языкам; а для немецкого языка, если придерживаться сути явления, красноречие — нечто совершенно невозможное.

Но в наше время мы переживаем некий переходный период. И то, что в качестве речевого стандарта составляет основу немецкого языка, не может быть перенесено в будущее неприкосновенным. Необходимо попытаться полностью отделаться от этого стандарта и выработать другой. И это в определенном смысле связано с той задачей, которую необходимо решить каждому, кто в наше время собирается плодотворно говорить об антропософии или трехчленности. Ибо только тогда, когда многие смогут говорить именно так, общественность даже на случайных выступлениях будет правильно постигать эти предметы (хотя и число тех, кто обнаружит псевдопонимание и псевдопостижение, тоже будет немалым).

Обращаясь к тому специфическому элементу, который имелся в речи древних народов, особенно ценивших красноречие, мы должны

сказать: речь как бы «вырастала» из человека столь же непосредственно, как растут пальцы его руки, как постепенно прорезываются его зубы. Процесс речи проявлялся в подражании человеческому организму, в приспособлении к нему. И только позднее человек внес в речь мышление.

И с тех пор можно наблюдать, как при словесном общении в речь внедрялось внутреннее переживание — переживание процесса мышления. Речь структурировалась в указанном направлении. В определенном отношении она изначально являлась чем-то эластичным и податливым, а мыслительный элемент был чем-то более внутренним, нежели речевой. Мыслительный элемент переживался как нечто более внутреннее по сравнению с элементом речевым, и он мог внедряться в речевой элемент, находя при этом подходящую нишу, как скульптор ищет подходящий кусок мрамора, когда вынашивает замысел какой-нибудь статуи. Это была целиком и полностью художественная — поэтическая — обработка речи. Даже прозаическая речь имела по характеру

обращения с материалом что-то общее с поэтическим выражением, хотя риторика, красноречие имеют собственные правила, отличные от правил поэтического выражения. И чтобы вы меня правильно поняли, мне хотелось бы здесь добавить, что развитие речи несколько не исключает поэтического элемента. Сказанное мной относится к древним формам речевого выражения, но это не следует понимать так, будто я утверждаю, что в наше время вообще не может быть поэзии. При поэтической речи требуется всего лишь иной подход к слову. Но это отдельная тема, так что я упоминаю об этом как бы «в скобках», чтобы вы меня правильно поняли.

Возникает вопрос: как же говорили люди в те времена, когда мысли и чувства внедрялись в речь? В те времена говорили красиво! Наипервейшей задачей было говорить красиво. А этому можно было научиться только в процессе усвоения стародавней манеры речи. Тогда люди говорили красиво, и дар красивой речи человечество получило с Востока. Можно сказать: красиво говорить люди умели до тех пор,

пока идеал речи они усматривали в пении, в вокальной речи. А проповедь являлась всего лишь такой модификацией красноречия, в которой многое уже отклонялось от красивой речи. Ибо всесторонне красивая речь — это речь культовая. Если же культовая речь переходит в проповедь, то приходится многим жертвовать. Но в любом случае проповедь — это вид культового красноречия.

Другое направление развития речи отчетливее всего проявилось со временем в немецком и подобных ему языках, где размывается граница между словом и понятием, то есть словом и мыслительным переживанием. Слово сделалось абстрактным, оно само представляет собой уже готовую мысль, своего рода сложившуюся мыслеформу, ибо смысл здесь обособляется от звучания речи как таковой. Мыслительное переживание не может более проникать в нее, так как проникающий элемент и его носитель уже изначально ощущаются как нечто единое и неразделимое.

Это, например, ясно видно в современном немецком языке, где употребляется слово «по-

---

нятие» — «по-нятие»¹, то есть производное от глагола «хватать» (с приставкой «по»). Это отглагольное существительное означает «схватывание, направленное на что-то». Можно также сказать, что «понятие» — это нечто вроде отглагольной формы существительного «рассматривание». Понятие «по-нения» было создано в те далекие времена, когда еще существовало живое ощущение эфирного тела, которое схватывает, обволакивает предметы созерцания. Так что в те времена, действительно, можно было создать понятие «по-нения» — ведь хватание, обладание при помощи физического тела было только символическим образом схватывания при помощи тела эфирного.

Но чтобы услышать «по-нятие» в слове «понятие», надо воспринимать речь как свой

---

¹ В оригинале немецкое отглагольное существительное «*Begriff*» (понятие) производится от глагола «*greiffen*» (хватать) и предиката «*be*». Русский историк культуры, библиист и литературовед С. С. Аверинцев сближает слово «по-нять» со старорусским «по-ять», то есть «познать», «по-иметь», «обладать» в библейском смысле слова, как Адам «познал» Еву (См. его статью «Царь Эдип»). — *Примеч. пер.*

собственный организм: в речевой стихии, о которой я сейчас говорю, слова и понятия всегда проникают друг в друга, покрывают друг друга, уже нет того четкого размежевания, которое существовало некогда на Востоке, когда речь была своего рода внешним организмом, а то, чему надлежало быть высказанным, жило в нем внутренне. И в процессе речи внутренне живое должно было проникнуть в речевую форму, причем таким образом, что это внутренне живое составляло содержание, а то, во что оно проникало, — внешнюю форму. И это проникновение должно было осуществляться под эгидой прекрасного, поэтому, когда человек собирался говорить, ему приходилось становиться настоящим мастером речи.

Это прямая противоположность нынешнего отношения к речи. В современной звуковой стихии люди не ощущают разницы, к примеру, между словом «gehen» — «пешеход» и словом «laufen» — «загружать», «тянуть лямку»¹;

---

¹ В оригинале: gehen (произносится как «геен», означает «идти»,) и laufen (соответственно: «ляуфен», «бежать»). — *Примеч. пер.*

слово «пешеход» содержит два Е, и это означает, что человек куда-то перемещается без особого усилия (Е всегда указывает на то, что человек в малой мере вовлечен в собственную деятельность). Если же присутствует звукосочетание АУ, это значит, что мера вовлеченности возросла. При напряжении дыхание учащается — оно содержит в себе указанное звуко-сочетание. То, что мы хотим высказать, переполняет нас изнутри, поэтому в слове должен присутствовать звук, выражающий соответствующее внутреннее состояние. Но в наше время все это уже утрачено — и речь, и само мышление сделались совершенно абстрактными, и такое положение характерно для всей европейской цивилизации до самых западных ее пределов.

В каждом отдельном слове можно усмотреть некий образ, некую имагинацию, и в древние времена этот образ нес на себе печать чего-то объективного. Тогда невозможно было рассматривать язык как нечто лишенное объективности, как нечто неразрывно связанное с субъективным, — ведь это все равно что считать

свою одежду не чем-то обособленным, а приросшим к телу как вторая кожа.

Если в древние времена язык, можно сказать, был столь же независим, как одежда, то на следующей ступени его развития люди, напротив, стали воспринимать живой организм речи как своего рода вторую «кожу» души. Я говорю о том периоде развития речи, с наступлением которого ее красота уже не имела первостепенного значения. Она уступила место правильности, опирающейся уже не на риторику и красноречие, а на логичность. Сама грамматика стала настолько логичной (изменялась она медленно и постепенно, а начался этот процесс еще во времена Аристотеля), что логический элемент попросту вырастал из грамматических форм, являясь как бы их закономерным продолжением. Мысль и слово успели срастись. Фраза — это инструмент выражения суждений. Но суждение, собственно, облачается в речевой оборот таким образом, что человек уже более не ощущает своей внутренней автономности. Правильная речь сделалась стандартной.

А в наше время мы становимся свидетелями возникновения нового элемента речи, только его повсеместно употребляют неправильно, перенося в совершенно неподходящую сферу. Способностью красноречия человечество обязано Востоку. Правильная речь — достояние срединного сектора цивилизованного мира. А в поисках третьего элемента нам необходимо обратить свой взор на Запад.

Но на Западе этот новый элемент проявляется сейчас в совершенно искаженной форме. Почему это происходит? В первую очередь по причине языка, ставшего совсем абстрактным. Организм слов — это почти что организм мысли. И на Западе постепенно дело дошло до того, что обсуждение такого положения вещей выглядело бы чем-то несерьезным. Однако в некоей совершенно ложной сфере прогресс тем не менее обнаруживается.

Вы знаете, что в Америке как раз в последней трети XIX века возникло философское направление, именуемое прагматизмом. В Англии оно позднее получило название гуманизма. Его представителем в Америке является

Джеймс¹, а в Англии — Шиллер². За ними последовали личности, призванные расширить это направление. Так, заслуга в расширении понятия «гуманизм» принадлежит недавно побывавшему здесь профессору Маккензи³.

На что же направлены устремления американского прагматизма и английского гуманизма? Они отталкиваются от полного скепсиса в отношении познания: истина — это то, чего вообще не существует! Если мы и придумываем пару утверждений в течение нашей жизни, то делаем это исключительно для того, чтобы получить в ней некую точку опоры. Невозможно привести какое-нибудь объективное

---

¹ Уильям Джеймс (1842—1910) — профессор философии в Гарвардском университете, наиболее значительный из американских представителей современной интроспективной психологии и прагматизма, автор многочисленных трудов по психологии и философии, в том числе «Человеческое бессмертие» (1898) и «Прагматизм» (1907).

² Ф. Ц. С. Шиллер (1864—1937) — оксфордский профессор, представитель английского прагматизма, связанного с гуманизмом. Автор книги «Гуманизм» (1903).

³ Джон Стюарт Маккензи (1860—1935) — профессор логики и моральной философии в Кардиффе.

основание для рассуждений об атомах — но весьма полезно в основу химии заложить теорию атомов, и вот мы уже вводим понятие атома. Оно нужно, оно полезно. И никаких объективных оснований, никаких критериев истины, собственно, не требуется — кроме нужности и полезности для жизни. Существует ли Бог или нет Бога — дело совсем не в этом. Истина — это то, что нас совершенно не касается. Однако невозможно уютно почувствовать себя в жизни, если не придумать понятия «Бог» — уютно чувствовать себя в жизни может лишь тот, кто живет так, как если бы Бог существовал. Итак, мы придумываем Его, ибо это полезно для жизни, это плодотворное представление. Имеет ли Земля начало в смысле канто-лапласовской теории и ждет ли ее тепловая смерть согласно термодинамике — об этом с точки зрения истины тоже никто ничего не знает (я просто все это излагаю), но для нашего мышления будет плодотворным представлять себе начало Земли и ее конец именно в такой форме. Таково прагматическое учение Джеймса, а также, в общих чертах, и гумани-

стическое учение Шиллера. В конечном счете человек, если он придерживается истины, так же совершенно ничего не знает о своей душе и о том, есть ли она у него. Об этом можно дискутировать до скончания века — есть ли душа или ее нет, однако весьма полезно, когда человек осмысливает свою земную деятельность, приняв представление о душе.

Разумеется, в условиях современной цивилизации все, что возникает в одном каком-то месте, сразу получает повсеместное распространение. И в подобных вещах, которые инстинктивно возникают на Западе, немец тоже должен найти для себя нечто близкое своему складу ума — то, что легче укладывается в его представления. Именно так и возникла философия, которую следовало бы назвать «Как если бы». Например, есть ли атом, нет ли атома — не в этом дело; мы рассматриваем природные явления так, «как если бы» атомы существовали. Может ли добро победить в жизни или нет — этого человеку не дано знать; но мы осмысливаем жизнь так, «как если бы» добро могло победить. Существует ли Бог или нет — об этом

можно дискутировать до скончания века; но при нашем жизнепонимании мы действуем так, «как если бы» Бог существовал. Так возникает философия «Как если бы».

Со всем этим мало считаются, поскольку думают: ну да, где-то там в Америке есть какой-то Джеймс со своими учениками, а где-то в Англии — Шиллер со своими; где-то там Вейхингер¹ придумал свою философию «Как если бы»; ну, существует на свете пара чудаков, живущих своими химерами, и какое дело до них остальным!

Но имеющему слух повсеместно попадают отзвуки этой философии «Как если бы», ведь почти все говорят в духе такой философии. А философы — это весьма забавная публика: они постоянно выбалтывают то, что неосознанно делают другие. Если располагаешь достаточной непредвзятостью, то легко убе-

---

¹ Ганц Вейхингер (1852—1933) — философ, издатель исследований по философии Канта, основатель Кантианского общества. В своей «Философии “Как если бы”» (1911) под влиянием Ф. А. Ланге он определяет свою позицию как «идеалистический позитивизм».

даться, что в наше время редко можно услышать человека, который, говоря о своих внутренних переживаниях и всей своей душевной жизни, о своих чисто человеческих проблемах, выражался бы таким образом, что суть произносимых им вещей совпадала бы с их словесным выражением. Просто обычно трудно бывает расслышать — по тону и тембру голоса — внутреннее присутствие такого «как если бы», хотя, в сущности, все цивилизованные люди уже давно усвоили эту философию.

На исходе определенного витка эволюции вещи комкаются и искажаются, они претерпевают искажение и в начале нового витка эволюции, вот почему приходится на этом более высоком витке преодолевать тенденцию к искажению, произнося речи об антропософии и трехчленности. Эти вещи настолько серьезны, настолько важны, что о них непременно следует говорить. Иначе все сведется к некой тривиальности вроде «нам требуются понятия, ибо они полезны для жизни», и в итоге мы будем заняты тем, что подобные тривиальности утилитарной материалистической теории станем поднимать

на этический уровень, а возможно, благодаря этическому элементу они проникнут и в религиозную сферу. Но мы ведь хотим действовать в духе антропософии и трехчленности, а значит, перед нами стоит иная задача: к тому, что мы можем почерпнуть из истории — к красивой речи и правильной речи, — нам следует присокупить некое «добро-речие», «благо-речие» и развить к нему слух у наших современников.

Не знаю, заметил ли кто-нибудь, что в своих лекциях я уже частенько указывал на это «благоречие», когда говорил, что в наше время дело сводится не только к тому, чтобы сказанное было правильным в абстрактно-логическом смысле, но и к тому, что в определенной связи одно говорится, а другое (хотя и выглядело бы здесь правомерным) может быть опущено и не высказано в данном контексте, ибо что в определенном контексте может быть хорошо, в другом прозвучит дурно. Мы должны, помимо риторики и логики, учиться и настоящей этике речи и знать, что в одном контексте определенные вещи являются уместными, а в другом они же должны быть опущены.

Мне хотелось бы проиллюстрировать сказанное примером, который особенно будет понятен тем из вас, кто присутствовал на моих лекциях в предыдущие дни. На одной из этих лекций я говорил, что подлинный Гёте, собственно, никогда и «не рождался»¹. Я рассказывал о том, что Гёте продолжительное время пытался выразить себя в области живописи, но этому не дано было сбыться, и это его устремление переплавилось в его поэтические творения, а затем, в свою очередь, в такие драматические произведения, как, например, «Ифигения» и особенно «Дочь природы», которые не являются стихотворными произведениями, понимаемыми как поэтический вымысел. Читатели называли эти произведения Гёте «гладкими и холодными, как мрамор», настолько они скульптурны и объемны. Гёте обладал исключительными способностями, которые не были напрямую им реализованы; в этом смысле он на самом деле как бы и «не рождался». Вы видите,

---

¹ См. лекцию от 8 октября 1921 г. в ПСС. Т. 207 («Антропософия как космософия»).

что в том контексте, в котором я это высказывал на днях, такое утверждение, несомненно, имело право на существование. Но представьте себе, что было бы, если бы кто-то стал утверждать такое в буквальном смысле слова! Это было бы не просто алогично — это было бы несомненным безумием.

Говорить, опираясь на жизненные взаимосвязи, — совсем не то, что предлагать адекватную, точную словесную формулировку, выражающую взаимосвязь мыслей и чувств. Выражать в определенном месте речи нечто, исходя из жизненных взаимосвязей, — это значит переходить от красоты и правильности речи к ее этике, то есть ощущать общий контекст и на этой основе решать, надо ли что-то произнести вслух или не надо. В таких случаях снова происходит как бы внутреннее срастание, но на этот раз не с языком, а с самой речью. И тогда становится возможным то, что я назвал благоречием — в противовес злоречию; это и есть третья форма речи. Наряду с красивой или уродливой речью, наряду с правильной или неправильной речью сущест-

вуют еще и благоречие и злоречие в указанном мной смысле.

До сих пор бытует мнение, будто есть такие утверждения, которые, будучи единожды сформулированы, могут употребляться при всех обстоятельствах, ибо эти утверждения имеют непреходящее значение. Но именно таких утверждений как раз в современных реалиях больше не существует — наоборот, каждое положение, имеющее смысл в какой-то определенной связи, в другой связи уже выглядит неприменимым. Это означает, что мы вступили в ту эпоху развития человечества, когда необходимо считаться с многообразием сторон, с многогранностью каждого феномена.

Восточные люди со свойственным им цельным мышлением, жившие на ограниченной территории (сюда же относятся и греки с их духовной жизнью, с их правовым сознанием и хозяйственной жизнью, тоже жившие на ограниченной территории), использовали в своей речи, в частности, элемент, придававший ей облик словесного произведения искусства. Что такое произведение искусства? Это когда в

одном отдельно взятом ограниченном объекте, в какой-то определенной области проявляется нечто беспредельное. Это в корне противоречит тому одностороннему определению прекрасного, которое встречается у Гегеля, Гартмана и других, полагавших, что прекрасное — это явление идеи в каком-то ограниченном формообразовании. И такое определение («прекрасное — это явление идеи во внешней форме») мне, в частности, пришлось опровергать в моей венской лекции «Гёте как отец новой эстетики»¹, где я показал, что под прекрасным необходимо понимать как раз прямо противоположное, ибо прекрасное возникает, когда частной форме явления придается значение беспредельного.

Что-то подобное происходит и в речи, которую тоже можно рассматривать как некую ограниченную территорию, заключающую в своих границах всевозможные значения. И в пределы этой территории — то есть в речь — должно про-

---

¹ Лекция, прочитанная в Вене 9 ноября 1888 г. в Обществе Гёте (см. ПСС. Т. 271 — «Искусство и искусствознание»).

никать то, что является беспредельным внутри нашей душевной и духовной жизни.

Что касается правильной речи, то она должна быть адекватной: фраза должна соответствовать суждению, а слово — понятию. Так, римлян к этому принудило поступательное расширение их географического пространства: их язык из прекрасного трансформировался в логический. И наследник греческого языка — язык латинский — удержал способность сообщать человеческой речи логичность, что и было прекрасно усвоено носителями этого языка.

Но в настоящее время мы выходим за пределы этой стадии развития речи. Сейчас возникает необходимость ощущать язык наряду с этическим началом, поэтому в речи мы практикуем своего рода моральность словесного выражения, когда осознаем, что в одном случае что-то допускаем в нашу речь, а в другом — исключаем. Еще одна отличительная особенность нашей речи: мы употребляем слово не ради дефиниции, а исключительно ради характеристики того или иного явления. Всякие дефиниции и ярлыки устраняются — слова упо-

требляются только ради характеристики. Они употребляются так, что при каждом слове возникает ощущение чего-то недостаточного, каждая фраза выглядит незавершенной. То, что ты хочешь сообщить людям, следует характеризовать с разных сторон, как бы обходя тему вокруг и характеризуя ее с разных точек зрения. Я часто обращал ваше внимание на то, что именно такой подход должен быть у антропософов. Я часто подчеркивал, что не надо думать о том, что ты можешь подыскать адекватное слово, адекватную фразу — на самом деле ты можешь только вести себя как фотограф, который, пытаясь отобразить дерево, должен по крайней мере показать его в четырех ракурсах. Поэтому и те воззрения, которые в абстрактной, тривиальной философии принято называть «прагматизмом» и «гуманизмом», должны быть вознесены до этического уровня. И тогда такие воззрения должны в первую очередь проявиться в этическом элементе речи: нам следует учиться доброречию, благоречию. А это значит, что нам нужно приносить в речь нечто из наших внутренних пе-

реживаний в сфере этики, в области морального учения.

В сущности, сказанное сделалось в новейшее время совершенно очевидным, прямо-таки осязаемым. Теософы говорят на явно устаревшем языке, звучание которого отмечено печатью материалистической терминологии в духе последних столетий: «физическое тело» — ну да, оно плотное; «эфирное тело» — оно потоньше, более воздушное; «астральное тело» — тоже тонкое, но еще более тонкое; «Я» — еще тоньше. Один за другим выступают все новые члены человеческого существа, и они становятся все тоньше. В конечном счете уже и не знаешь, как можно подступиться к этим тонкостям, но в любом случае тела становятся все тоньше и тоньше. Уже не видно никакой возможности выйти за пределы материализма, и это отличительная особенность теософской литературы. И не только литературы. С этим непременно сталкиваешься, как только начинаешь говорить на эти темы: это относится и к сугубо теоретическим обсуждениям и к ситуациям, подобным той, в которую я попал в

Теософском обществе в Париже, — кажется, это было в 1906 году. Одна дама, которая была прямо-таки заматерелой теософкой, пожелала выразить, насколько ей понравились некоторые выступления, прозвучавшие в том зале, где мы находились; и она воскликнула: «Какие здесь прекрасные вибрации!» Но кто-то ей резонно заметил, что вибрации создавали сморкающиеся в зале, да и аромат, висевший в воздухе, имел другое происхождение.

Нам следует учиться обособлять речевой элемент от адекватности материалу. Ибо можно быть адекватным только материальному. Но нынешняя эпоха развития человечества требует, чтобы мы активнее вводили речевой элемент в спиритуальные сферы, — а для этого нам следует высвободить его. Мы должны обрести раскованность речи и свободу ее применения. И если приступить к этой задаче не абстрактно, а полнокровно, то прежде всего в область речи должна войти философия раскованности языка и его свободы от привязанности к материалу. Это насущная потребность. Иначе мы, например, не сможем надлежащим

образом перейти к описанию свободной духовной жизни.

Видите ли, у современных людей вы найдете мало понимания относительно свободной духовной жизни, то есть духовной жизни, подчиненной своим собственным законам. Как правило, под свободной духовной жизнью они понимают нечто совсем иное — когда каждый кулик хвалит свое болото, когда каждый петух (прошу прощения за этот причудливый образ) кукарекает над своей навозной кучей и разрозненные крики сливаются в невообразимый гвалт. На самом же деле как раз при свободной духовной жизни образуется совершенная гармония, ибо дух живет, не возвышаясь над сферой персонального эгоизма, и при этом может вести собственное автономное существование.

Уже сегодня можно с уверенностью утверждать, что, например, в нашей Вальдорфской школе в Штутгарте полноценно присутствует дух именно Вальдорфской школы, независимо от преподавательского состава. Становится очевидным, что хотя по тем или иным обстоятельствам кто-то из педагогов может быть более спо-

собным, а кто-то менее, но общий дух школы ведет собственное независимое существование.

Когда современные люди пытаются составить представление о «свободном духе», то все сводится лишь к абстрактным разговорам, в которых нет ничего реального. Свободный же дух реально живет среди людей, и необходимо только открыться ему и ввести его в сферу нашего существования; он действует в людской среде, и надо только дать ему возможность проникнуть в нашу жизнь.

Все, сказанное сегодня, было сказано ради пользы нашего дела, чтобы мы исходили из одного принципиального ощущения — ощущения серьезности поднятой темы. Естественно, я не жду, что теперь все сразу получится, и подобно тому, как древние говорили красиво, а последующие поколения изъяснялись правильно, так все мы сразу обретем благоречие! Но это не повод для возражения: «Что толку в подобных лекциях, если мы сразу не научимся благоречию?» На самом деле нам просто нужно реально ощутить серьезность положения и проникнуться сознанием того, что

намеченная цель представляет собой столь органичное целое, которое само по себе постепенно должно сотворить необходимые жизнеспособные формы в сфере речи; так форма наших ушей отображает определенную необходимость, и она не может быть иной, поскольку соответствует самой природе человека.

Итак, я пытался пояснить, как содержание антропософии и трехчленности должно преподноситься людям. И я буду все больше переходить от принципиального к конкретному — к тому, что должно быть положено в основу практики.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 13 октября 1921 г.

К числу задач, которые должен ставить перед собой оратор, готовясь к выступлению в намеченной им области, относится предварительная обработка необходимого материала. Существуют два аспекта, на которые следует обратить особое внимание при обработке материала, с которым вы предполагаете ознакомить публику по ходу речи. Первое, что нужно сделать, разделить материал на части так, чтобы создать определенную композицию. В отсутствие композиции речь не может быть понята. Слушателям может понравиться что-то и в лишенной композиции речи, но в действительности речь, не имеющая стройной композиции, — это не речь. И необходимо учесть, что

любая речь, безусловно, будет плохо воспринята слушателями, если при подготовке к ней оратор воображал себе одну фразу за другой и проникся этим процессом. Если он не в состоянии — по крайней мере, на определенной стадии подготовки — видеть всю речь как единое целое, ему не следует рассчитывать на понимание слушателей. Вся речь должна исходить из некой всеобъемлющей мысли, которую делят на составляющие, а композиция речи должна быть подчинена этой всеобъемлющей идее. Это первое.

Второе — умение использовать в речи все переживания, которые вы можете извлечь непосредственно из жизни. Надо по возможности вызывать в памяти все, что было непосредственно пережито вами в связи с заявленной темой, и пытаться, имея перед собой общую композицию речи, тут и там включать в нее соответствующие личные переживания.

Так в общих чертах выглядит подготовка к речи. Следуя этим правилам, мы уже на подготовительной стадии имеем перед собой как бы панораму всей речи. И видим эту панораму на-

столько отчетливо, что совершенно естественным образом можем вкраплять в нее отдельные жизненные воспоминания, наилучшим образом размещая их тут и там, как если бы мы писали на бумаге «первое», «второе», «третье» и каждый пункт был бы сопряжен с определенным переживанием. Тогда оратор точно будет знать: вот это относится к пункту четвертому, вот это — к пятому, а вот это является первым и, произнося речь, сможет оставаться независимым в отношении этого набора переживаний, ему нужно будет лишь ориентироваться на предполагаемый ход мыслей. А от того, доверяешь ли эти пункты бумаге, либо же довольствуешься свободной обработкой их в уме — будет зависеть качество речи, ибо тот, кто опирается на записанный материал, обычно говорит хуже, а тот, кто обходится без записи, — лучше. Но, естественно, можно применять на практике и то, и другое.

Однако необходимо присовокупить ко всему этому и нечто третье. Ведь, с одной стороны, мы имеем готовое целое (я обычно избегаю называть это планом, скелетной схемой), а с другой — разрозненные переживания, которые не-

обходимо увязать с намеченными идеями и довести предполагаемую речь до такого уровня, когда она сможет вызвать в вашем внутреннем мире чувство полнейшего удовлетворения.

К примеру, мы хотим произнести речь о трехчленности. Тогда нужно сказать себе: кроме вступления (о котором мы еще поговорим) и заключения (о котором также разговор впереди), вся остальная композиция речи, собственно, диктуется самой темой, в основе которой заложена некая объединяющая идея. Я поясню это на конкретном примере. Если по-настоящему живешь духовной жизнью, то сказанное подходит в равной мере и для данного частного случая, и для всех других. Но возьмем этот близкий нам пример трехчленности социального организма, о котором мы намечаем говорить. Это уже изначально предполагает, что изложение темы делится на три части, то есть мы коснемся существа духовной жизни, существа государственно-правовой жизни и существа жизни хозяйственной.

В целом дело сводится к тому, чтобы благодаря соответствующему вступлению (повто-

---

ряю, об этом мы еще поговорим) вызвать у слушателей ощущение, что как раз в настоящее время об этом и следует говорить. Причем начинать надо не с попытки сразу же разъяснить слушателям, что мы понимаем под свободной духовной жизнью, под основанной на равенстве государственно-правовой жизнью, под базирующейся на трудовых объединениях хозяйственной жизнью, а необходимо постепенно подвести аудиторию к восприятию этих понятий. А для этого нужно привлечь внимание публики к тому, что уже явно присутствует в современности в том, что касается трех членов социального организма, — то есть нужно увязать данную проблему с тем, что прежде всего бросается в глаза современному человеку. Ведь только благодаря этому можно связать новое с уже знакомым.

Допустим, мы имеем дело с аудиторией, которая в наших глазах выглядит наиболее привлекательной, — со смешанной аудиторией, состоящей из представителей буржуазии, представителей пролетариата (здесь возможны, в свою очередь, самые разные градации) и па-

рочки аристократов: их присутствие, разумеется, никак делу не повредит. Итак, допустим, мы выступаем перед публикой, состоящей из всех слоев общества. Я акцентирую на этом внимание по той причине, что оратор еще до начала речи должен учесть, к кому он будет обращаться. Необходимо живейшим образом вникать в ситуацию и заранее готовиться к ней.

Что же в первую очередь должен иметь в виду тот, кто собирается предложить современной публике лекцию о трехчленности социального организма? Ему следует знать: поначалу будет необычайно трудно добавить что-либо к представлениям буржуазной части публики, ибо в наше время она поразительно мало сделала в этом направлении и, можно сказать, в отношении социальной жизни прозябает без единого проблеска мысли. И если опираться на сложившиеся представления буржуазной публики, это будет всегда производить впечатление оторванности от жизни. А с другой стороны, надо отдавать себе отчет, что в пролетарской среде существуют ярко выраженные, отчеканенные представления относительно всех трех

частей социального организма, а также яркие эмоции и выраженная социальная воля. И как раз к числу особенностей современной эпохи относится то, что именно в пролетарской среде бытуют такого рода отчеканенные понятия.

Однако следует с большой осмотрительностью употреблять эти понятия, чтобы не быть заподозренным в преднамеренном заигрывании с пролетариатом. Такое подозрение необходимо заведомо отвести от себя, выбрав соответствующую манеру подхода к теме. Вообще же легко убедиться, что, пытаясь опереться на пролетарские представления, вы сразу вызовете в аудитории тяжелое непонимание. Мы уже наталкивались на такое непонимание, когда еще где-то с апреля 1919 года пытались ратовать за трехчленность социального организма в Средней Европе. Что касается буржуазной части слушателей, то она слышит только то, что ей десятилетиями преподносили пролетарские агитаторы, опираясь на свои специфические представления. А то, что сам оратор думает на заданную тему, поначалу вообще остается не воспринятым.

Необходимо отчетливо сознавать, что наша деятельность в мире вообще должна протекать, если можно так выразиться, в духе общего мироустройства. Мировой порядок можно проследить на примере рыб в море: большинство икринок погибает и только немногие из них становятся рыбами. И так оно и должно быть. К задачам, стоящим перед оратором, необходимо подходить, учитывая описанный закон природы: и если в процессе наших первых выступлений нам удастся каким-то образом вызвать понимание у немногих, совсем немногих, то можно будет сказать, что мы достигли максимума возможного. Говоря людям о таких судьбоносных предметах, как трехчленность социального организма, мы должны знать, что послание, заложенное в речи, никогда не пропадает даром; оно может быть кем-то подхвачено и некоторым образом продолжено — либо в чередѣ собственных выступлений, либо же каким-то другим способом. Можно сказать: ни одна из речей не пропадает даром, если она произнесена с пониманием описанного положения вещей — именно тогда она и несет в себе необходимый заряд.

Однако надо полностью отдавать себе отчет в том, что, даже имея дело с сугубо пролетарской аудиторией, ты будешь совершенно не понят ей, если попытаешься исходить из теорий, усвоенных пролетариатом на протяжении последних десятилетий. Возникает закономерный вопрос: что же надо делать, чтобы избежать непонимания? Ответ: это не такая уж большая проблема; говори то, о чем люди, как правило, и без тебя думают. Предлагай им марксизм или что-то вроде этого. Тогда, разумеется, тебя будут понимать.

Но нам совершенно не нужно быть понятыми в этом смысле. Ибо (и это надо полностью осознавать) очень скоро придется убедиться в том, что если в наше время обращаешься к пролетарской аудитории на понятном ей языке, хотя бы по части терминологии (и к этому надо стремиться), то затем — особенно в процессе дискуссий — замечаешь, что участники дискуссии ничего не поняли. Что касается остальных, то их мнение вообще остается неизвестным, так как они не участвуют в диспуте. Обычно те, кто ничего не поняли, по окончании выступле-

ния ввязываются в подобные диспуты. И как раз у них можно заметить нечто весьма специфическое. Я сам произнес бессчетное количество речей о трехчленности социального организма перед теми, кого в Германии называют «социал-демократами большинства», а также перед независимыми социал-демократами, коммунистами и так далее. И всегда можно было заметить: стоит только вступить в дискуссию и поверить, что тебе удастся высказаться, как тотчас же твои слушатели откликнутся таким образом, будто ты вообще ничего им не говорил или выступал так, как какой-нибудь агитатор — социал-демократ перед своей аудиторией лет 30 назад. Неожиданно возникает ощущение, что тебя как бы подменили. И тогда уже без всяких иллюзий говоришь себе: «Чем же ты в таком случае отличаешься от старины Бебеля?»¹

---

¹ *Август Бебель* (1840—1913) — один из ведущих деятелей рабочего движения в Германии; совместно с Вильгельмом Либкнехтом основал Социал-демократическую рабочую партию, из которой позднее, в тандеме со Всеобщим немецким союзом рабочих, возникла современная Социал-демократическая партия Германии.

Вот и весь результат! Аудитория физически ничего не воспринимает за пределами того, что она привыкла слышать уже десятилетия. Даже физически (не говоря уже о душевном) она ничего иного не воспринимает — даже физически люди слышат только то, к чему давно привыкли. И тогда слушатели говорят: «Да ведь лектор не сказал нам совсем ничего нового!» Ибо терминология давно у них на слуху (без нее же никак не обойтись), а общепринятый контекст, в котором они привыкли использовать эти термины, уже успел войти в их плоть и кровь. И в результате вся их аргументация сводится к рассуждениям в давным-давно накатанном направлении.

Именно так и протекают бесчисленные дискуссии. Разве что коммунисты — с учетом завоеванных ими позиций — иногда внесут какой-то нюанс в заявленную тему и провозгласят, что в первую очередь необходимо обладать политической властью! Говорю это по опыту и беру примеры исключительно из жизни. Ведь совершенно естественно желать в первую очередь политической власти! Так, один из слушате-

лей сказал однажды, что если бы он получил политическую власть и сделался, к примеру, министром внутренних дел, то не смог бы занимать место госчиновника, так как работает простым сапожником, а сапожник ничего не знает об обязанностях государственного чиновника. Будучи сапожником, он совершенно не мог бы работать госчиновником, даже являясь министром внутренних дел! Он не заметил, что, собственно, тем самым сказал: на должности министра внутренних дел он чувствовал бы себя вполне комфортабельно, а на должности государственного чиновника — нет! Это внесло в дискуссию некий новый нюанс. И подобные нюансы всегда имеют примерно такую окраску.

Но, несмотря на это, мы должны сознавать, что если нам надлежит быть понятыми, то надо говорить от души. Подсознательное как бы споспешествует тебе, если ты говоришь от души, особенно в том случае, когда речь построена по такому принципу, как здесь уже было сказано и еще будет подробно развито в дальнейшем. Однако формулировать понятия

следует, исходя из жизненного опыта аудитории. В описанном случае нужно опираться на терминологию, порожденную настроениями пролетариата.

<...>

Сегодня я попытался показать вам, как следует оперировать материалом речи в самом ее начале. С этой целью я привел в пример знакомую вам ситуацию, чтобы показать: материал речи должен быть почерпнут не из каких-то теорий, а непосредственно из жизни, и его нужно предварительно готовить для применения в вашей речи. Сказанное сегодня каждый может использовать на свой манер при подготовке к речи, тогда она станет проникновенной, доверительной и доходчивой. А благодаря той мыслительной подготовке, о которой говорилось в начале сегодняшней лекции (когда вы мысленно структурируете материал, разделяя его на части и выстраивая композицию в соответствии с единой всеобъемлющей идеей), ваша речь станет легко обозримой, и слушатель тоже сможет воспринять ее как не-

что целостное. Содержание речи не должно ограничиваться содержанием ваших собственных мыслей, просто произнесенных вслух. Ибо когда спонтанно преподносишь собственные мысли, они, как было сказано, не могут никого заинтересовать. Только благодаря тому, что продумываешь компоновку речи, осмысленно ее структурируешь, речь становится обозримой и в силу этого понятной.

Речь становится проникновенной и доверительной благодаря тому, что оратор специально подыскивает для нее соответствующие жизненные наблюдения, причем даже худшие из них все же лучше, чем ничего. И лучше уж, например, рассказать, что, проходя через деревенскую местность, вы схлопотали затрещину от поселянина, лучше все-таки опираться хоть на такое переживание в вашем суждении о жизни, чем удариться в пустое теоретизирование. Умение извлекать опыт из переживания — вот что придает речи полнокровность. Ибо ваши мысли формируют «нервную систему» речи, а ваш личный жизненный опыт делает ее полнокровной. И только это придает вашей

речи проникновенность. К разуму слушателей вы обращаетесь через композицию речи, а к их сердцам — через собственный жизненный опыт, через пережитое вами. И это следует рассматривать как золотое правило. Продвигаться вперед можно только шаг за шагом. Сегодня я для начала хотел обрисовать вам в общих чертах, как жизненный материал может быть преобразован в содержание речи. Завтра продолжим.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 14 октября 1921 г.

<...>

Существует и другое основание, о котором современному оратору не мешает иметь некоторое представление. Ведь он по большей части обречен говорить на какую-то перспективную тему, выступая в вечернее время. Это означает, что он занимает время, когда люди чаще всего предпочитают находиться в концертных залах и театрах. Оратору надо отдавать себе отчет, что он обращается к публике, которая могла бы провести время, находясь в концертном зале, или в театре, или где-нибудь еще, а не слушая его суждения о разных перспективных вещах. Надо во всем отдавать себе отчет, вплоть до таких частных.

Что же, собственно, происходит, когда выступаешь перед аудиторией, на которую в наше время ты по большей части обречен? Происходит порча желудка у этой самой публики — в самом буквальном смысле слова! Серьезная речь обладает неприятной особенностью: она препятствует образованию пепсина — фермента, входящего в состав желудочного сока. Она не позволяет желудку вырабатывать пепсин и тем самым повышает кислотность желудочного сока. И только если ты внутренне настроишься произнести серьезную речь с надлежащим юмором, она не окажет вредного воздействия на желудочный сок. Речь надо произносить с определенной внутренней легкостью, с надлежащими интонациями, с известным воодушевлением — тогда это не повредит желудочному соку. И тогда снова придет в равновесие тот процесс, который нарушается в желудке под воздействием большинства современных речей. И если речь о трехчленности социального организма будет звучать тяжеловесно, сухо и педантично, то на самом деле вы будете работать не во благо социальной трехчленности,

а на карман врачей-гастроэнтерологов. Речь должна легко укладываться в головах слушателей. Не существует статистики, выявляющей количество слушателей, вынужденных обращаться к врачам после того, как они наслушались педантичных лекций. Но будь у вас эти статистические данные, вы бы изумились, узнав, сколь велик процент пациентов врачей-гастроэнтерологов среди ревностных посетителей педантичных лекций.

Я должен обратить ваше внимание на это еще и потому, что близится время, когда необходимо будет знать, как, собственно, устроен человек, как серьезность воздействует на его желудок, а юмор — на желудочный сок; знать, что, допустим, выпитый алкоголь ведет себя как некий циник, игнорирующий цельность человеческого организма ради сиюминутного удовольствия поиграть с ним. И если подходить к организму человека не с химерическими представлениями современной науки, а с человеческим разумением, то станет ясным как божий день, что каждое слово и каждое словосочетание оказывает определенное органи-

ческое, можно сказать, химическое воздействие на наш организм.

Знание подобных вещей необходимо каждому, кто намерен овладеть ораторским искусством. Иначе всегда будет ощущаться настоящая стена между публикой и оратором, который не знает, что при педантично построенной речи у слушателя сразу же начинает закипать желудочный сок и в течение всей речи кислотность только повышается, так сам желудок строит эту стену. Увидеть все это не составляет труда, хотя в университетских аудиториях такое воздействие на желудок наблюдается реже, нежели в других местах, ибо студенты спасаются тем, что попросту перестают слушать.

Из сказанного вы можете заключить, сколь много при произнесении речей зависит от настроения аудитории и сколь важно вызвать у нее подходящее настроение. Способность контролировать настроение аудитории гораздо важнее, чем дословное воспроизведение вслух заранее написанной речи. Тому, кто как следует настраивается на атмосферу речи, совершенно необязательно готовить ее буквальным текст,

ибо тщательная буквальная подготовка как раз и способна в критический момент сделаться губительной для желудочного сока слушателей.

Итак, вы видите, что правильная подготовка оратора включает в себя весьма широкие аспекты...

Однажды мой знакомый антропософ привел в берлинский зал Дома архитекторов, вероятно, вам уже известного Макса Дессуара¹ на вечер, где мне предстояло прочесть лекцию. Этот тогдашний друг Дессуара сказал между прочим: «Ох, этот Дессуар — большой оригинал!» Друг этот спросил, понравилась ли Дессуару лекция, и тот ответил: «Знаете, я ведь и сам оратор, а оратор не может быть нормальным слушателем, он не способен судить о том, что говорит другой!» После таких слов мне уже не было нужды справляться о мнении Дессуара, — для этого у меня были другие каналы, — ведь я не мог быть уверен, скажет ли Дессуар правду или, по обыкновению, и на сей раз со-

---

¹ *Макс Дессуар* (1867—1947) — философ. См. также ПСС. Т. 21 («О загадках души»), раздел «Макс Дессуар об антропософии».

врет. Но, допустим, он бы не соврал — что же это доказывало бы? Только то, что с такими взглядами никогда не станешь настоящим оратором. Ибо не может быть настоящим оратором тот, кто сам охотно говорит, с наслаждением прислушиваясь к себе, и вообще придает слишком много значения собственным речам. Истинному оратору необходимо постоянно нечто преодолевать, готовясь к предстоящей речи, и это должно отчетливо ощущаться. В первую очередь он должен более охотно слушать другого оратора, даже самого захудалого, нежели себя самого.

Я хорошо знаю, что я хочу этим сказать, а также точно знаю, как трудно будет многим из вас мне поверить, но такова правда. Я, конечно, признаю, что в жизни есть и много других удовольствий — помимо возможности слушать плохих ораторов. Но в любом случае ваши собственные выступления не должны входить в число ваших радостей жизни. Надо стремиться слушать других и делать это с удовольствием, так как настоящим оратором можно стать, только слушая других, а любовь к собственным ре-

чам тут не поможет. Благодаря собственным публичным выступлениям обретаешь определенную беглость и свободное владение речью (причем это должно происходить инстинктивно). Но искусным оратором человека делает его умение слушать, его развитый слух к особенностям других ораторов, даже если те ораторы никудышные. Вот почему каждому, кто спрашивает меня, как стать хорошим оратором в своей профессиональной области, я отвечаю: слушать выступления других, а также много читать (я уже проводил черту между слушанием и чтением) — читать тоже необходимо. Недопустимо только отдавать текст речи в печать. Но читать можно и отпечатанные выступления других ораторов! Надо только испытываемое чувство отвращения к напечатанным речам перенести на собственные речи, и тогда антипатия к своим собственным речам станет, собственно, предпосылкой добротной речи. Это необычайно важно. А тем, кто не способен с антипатией относиться к собственным речам, не помешало бы испытать хотя бы определенное волнение перед выступлением, ибо без волне-

ния, да еще и с заведомо позитивной оценкой своего выступления нельзя приступать к речи, так как во всех случаях это будет не на пользу делу. Речь как бы затвердевает, закостеневаает, бронзовеет и становится похожей на проповедь, а это вредно.

Я пренебрег бы задачами этого курса лекций, если бы стал преподавать тут ораторские правила, заимствованные из древней риторики, или приводить в пример ее образцы. Нет, вместо этого я взял пример из вашего личного опыта: мне хотелось показать вам, как с помощью реальных окружающей жизни можно вызвать соответствующий отклик в сердцах слушателей. Об этом всегда следует помнить, если хочешь воздействовать на ближних при помощи ораторского искусства.

Само собой разумеется, что ситуация меняется, когда втягиваешься в диспут, — тогда вступают в действие определенные нормативы межчеловеческого общения. Но во время диспута, по ходу которого, кстати, можно наилучшим образом изучить эти нормативы, недопустимо применение общих мест, сводящихся к

употреблению стереотипных словечек и выражений. Речь также идет о том, что в ходе дискуссии следует контролировать свои мысли и чувства, иногда испытывая даже антипатию к тому, что хочешь сказать и выразить. А это осуществимо именно тогда, когда можешь утаить собственное мнение, унять свою досаду или, наоборот, душевный подъем и переместиться в шкуру другого человека. Это оказывается полезным также и в дебатах, в ходе которых предстоит что-то отклонить. Естественно, нельзя повторять чужие слова, но можно заимствовать у других то, что как раз и поведет к плодотворным дебатам.

Вот вам яркий пример, который приводится в последнем номере «Трехчленности»; я сам был тому свидетелем двадцать с лишком лет назад. Депутат Риккерт¹, выступая в рейхстаге, бросил упрек Бисмарку, отметив, что тот изменил направление своей политики: долгое время заигрывал с либералами, а теперь обратился к консерваторам. Риккерт произнес

---

¹ *Генрих Риккерт* (1833—1902) — политик.

весьма пафосную речь, а в заключение образно сравнил такую политику Бисмарка с плащом, развевающимся на ветру. Можете себе представить, какой бурей возмущения ответила на этот образ аудитория, состоящая из профессиональных болтунов (это не всегда пригодное выражение, однако для парламента оно очень даже подходит). Но тут поднялся Бисмарк и привел свои аргументы, направленные против депутата Риккерта. Бисмарк изначально обеспечил себе определенную долю превосходства, поскольку он как бы встал на место Риккерта (он всегда это делал в аналогичных случаях) и, воспользовавшись его же образным сравнением, сказал: «Депутат Риккерт упрекнул меня в том, что я выгляжу как плащ на ветру. Но делать политику — это все равно что плыть по морю. Мне хотелось бы знать, можно ли как следует управлять кораблем, если не учитывать направление ветра? Настоящий моряк, равно как и настоящий политик, естественно, должен всегда учитывать направление ветра, иначе он сам будет этим ветром унесен!»

Итак, вы видите: образное сравнение было принято, но Бисмарк повернул его таким образом, что фактически стрела попала в самого стрелявшего. По ходу дебатов все сводится к тому, чтобы обезоружить противника. Когда речь идет о простом образе — это кажется достаточно легким приемом. Но в действительности это не так просто, ибо надо уметь делать нечто более серьезное: надо поражать противника его же собственным оружием. Потому что, как правило, мало будет пользы, если попросту противопоставить свою собственную позицию позиции оппонента.

По ходу дебатов нужно поддерживать следующее настроение: с самого начала дебатов надо уметь исключить все, что ты знал до сих пор, все это должно погрузиться в бессознательное. В голове следует держать только то, что было сказано твоим оппонентом; тут-то и надо пустить в ход свой полемический талант. Надо дать ему развернуться! Во время дебатов все сводится к тому, чтобы слова оппонента были восприняты вами непосредственно, а не просто противопоставлять оппоненту то, что ты и так уже давно

знал, — иначе дебаты пройдут совершенно безрезультатно, фактически впустую, как это и наблюдается в большинстве случаев. В сущности, невозможно никого переубедить в ходе дискуссии. Надо ясно сознавать, что в ходе дискуссии невозможно полностью опровергнуть то или иное высказывание оппонента, можно лишь показать, что оппонент противоречит самому себе либо же находится не в ладах с реальностью. Можно только зацепиться за слова, произнесенные оппонентом. Этот тезис лежит в основе необыкновенно важного полемического приема, столь необходимого для дебатов, для дискуссий. Если кто-то в ходе дебатов собирается произнести только то, что он уже и так знал, можете быть уверены, что это не произведет на оппонента никакого впечатления.

Однажды мне довелось столкнуться с этим в особенно назидательной форме. Во время последней поездки в Голландию я был приглашен поговорить об антропософии в Философском обществе Амстердамского университета. Естественно, взгляды председателя собрания отличались от моих. Не вызывало сомнения: втянись

он в дебаты, он выскажет совершенно иное мнение, нежели я. Но вместе с тем было ясно: все, что он скажет, в конечном счете никак не повлияет на мое выступление, а мое выступление вряд ли отразится на том, что скажет он, опираясь на то, что и так знал. Вот почему, подумалось мне, он поступил весьма мудро: то, что он намеревался произнести, он высказал еще до начала дебатов, а не по их окончании! То, что он мог бы еще произнести по ходу дебатов, он уже успел высказать в самом их начале, так что это никак не повлияло на обсуждаемый предмет.

Не стоит заблуждаться по этой части. Прежде всего, всё сводится к тому, что именно оратору следует особенно считаться с фактором человеческого общения. И если уж заботиться о результативности речей, то не следует предаваться иллюзиям. Но при этом ни в коем случае не следует сомневаться в действительности ораторского слова (я коснусь этого сегодня, потому что это может стать отправной точкой для последующих лекций).

Меня всегда страшно забавляло, когда добропорядочные слушатели утверждали: «Сло-

ва — ничто, дело — всё!» С самых неподходящих для этого трибун, — а также и в наших секциях, — я неоднократно слышал, как провозглашалось: «Слова — ничто, дело — всё!» А на самом деле все в мире рождается из слов! Для того, кто прозревает суть вещей, не существует таких дел, которые бы не были кем-то подготовлены в словах.

Становится очевидным, что подготовка — дело поистине тонкое. Ибо никуда не денешься от того, что из-за педантично-теоретических, «принципиальных» марксистских речей у людей портится желудочный сок, отравляющий, в свою очередь, весь организм. Каковы последствия подобных дурных речей, вы можете себе представить, учитывая, что поступки человека в значительной степени определяются качеством желудочного сока, оказывающим соответствующее влияние на весь организм. А с другой стороны, когда представляешься остряком и балагуром, у слушателей постоянно выделяется желудочный сок, который по своему воздействию напоминает уксус, а ведь уксус может спровоцировать в человеке страшную ипо-

хондрию. Но повсеместное острословие приветствуется. Оно отовсюду проникает в общественность, представляя собой непрерывный поток веселья. Вы еще не успели переварить вчерашнюю дозу остроумия, как сегодня подается новая. Тогда неизрасходованный вчерашний желудочный сок и превращается в нечто подобное уксусу. Ведь человека надо подкреплять каждый день заново. Внешне он может быть весьма весел, но в общественной жизни способен проявлять себя как источник ипохондрического уксуса. И это очень даже легко ощутить в общественной жизни!

Да, в хозяйственных учреждениях действуют марксистские ораторы, портящие людям желудки. А вот когда эти люди читают нашу газету «Форвартс» — это как раз то, что способно привести испорченные желудки в норму. Это вполне реальный процесс.

Надо уметь вписать мир ораторского искусства в мир практической жизни. Самое фальшивое изречение (ибо оно покоится на ложной сентиментальности, а все, что проистекает из ложной сентиментальности, по природе своей

фальшиво), относящееся к искусству речи, звучит так: «Слова хорошо подобраны, посмотрим же, наконец, и на дела!» Конечно, может быть, такому изречению и место в каком-нибудь драматическом представлении, и там оно произносится по праву, но выдернутое из общего контекста, оно с одинаковой вероятностью может быть и правильным, и совершенно неправильным. И нам нужно учиться говорить не просто правильно, не просто красиво, — нам надлежит учиться благоречию, ибо в противном случае мы поведем людей к пропасти, не научившись говорить им ни о чем перспективном, то есть несущем зародыши будущего.

<...>

Из чего же должна складываться подготовка к речи? Составляя первые фразы, надо действовать по обстановке, учитывая сложившуюся ситуацию или то, к чему слушатели уже подготовлены. На совершенно неподготовленную публику придется потратить больше труда, а вот обращение к информированной аудитории окажется менее затратным хотя бы в том, что касается пробуждения у слушателей необходимого эмоционального отклика, соответствующего той или иной теме. В целом же, готовясь к речи, не следует ее записывать, а также не надо запасаться зафиксированным набором ключевых слов. Опыт показывает, что дослов-

ная подготовка так же мало споспешествует хорошей речи, как и письменная заготовка ключевых слов. Первая не годится по той причине, что связывает тебя, и ты легко спотыкаешься, когда память начинает буксовать, а такое чаще всего происходит как раз в тех случаях, когда накануне речь была записана дословно. Запас же ключевых слов легко приводит к тому, что содержание подгоняется под «красное словцо» и тем самым еще на стадии предварительной подготовки неоправданно сужается. Напротив, если уж ты считаешь нужным что-то зафиксировать на бумаге и захватить с собой шпаргалку в качестве некоего подспорья, так пусть это будет ряд хорошо сформулированных тезисов, которые не претендуют на дословное их воспроизведение по ходу речи. Это должны быть тезисы, расположенные в определенной последовательности (первое, второе, третье, четвертое...) и содержащие в себе как бы квинтэссенцию будущей речи. Каждый такой лапидарный, но емкий тезис при необходимости может быть развернут хоть в десять, восемь или двенадцать частных тезисов. И такие частные тезисы не следует фиксировать

на бумаге. То есть не нужно записывать частный тезис¹, а следует записать только обобщенный. Итак, ключевые тезисы. Если вы будете их использовать, то на опыте убедитесь, что благодаря этому вы в кратчайшее время наилучшим образом обретете возможность говорить свободно и раскованно, ибо сами ключевые тезисы служат всего лишь направляющими речевого потока.

В заключение речи подчас не помешает вернуться — хотя бы поверхностно — к ее началу; то есть заключение должно быть в определенной мере отмечено тем же мотивом, который уже содержался в самом начале речи.

В течение же всего выступления следует опираться на заранее подготовленные ключевые тезисы, способные придать вашей речи в том числе и определенное звучание. Нетрудно сообразить: тому, что ты собираешься сообщить относительно духовной жизни, следует придать своего рода лирическую окраску; то, что отно-

---

¹ Образцы таких смысловых тезисов, предназначенных для последующего развертывания, см. в ПСС. Т. 26 («Антропософские тезисы»). — *Примеч. пер.*

сится к правовой жизни, должно иметь определенный драматический характер; а относящееся к хозяйственной жизни должно сообщаться спокойным эпическим тоном, в невозмутимо-повествовательной эпической манере. У того, кто это поймет, вскоре возникает совершенно инстинктивное стремление, а также способность формулировать ключевые фразы вышеуказанным образом. Это проявится уже на подготовительной стадии: у вас возникнет ощущение, что сама манера говорить реально вырастает в содержание речи и сливается с ней.

В любом случае необходимо довести владение речью прямо-таки до инстинктивного уровня, когда вы будете ощущать свой орган речи с такой же степенью реалистичности, как кузнец ощущает у себя в руках молот во время работы с ним. К этому можно прийти, если проделать некоторые речевые упражнения¹.

---

¹ Приводимые далее речевые упражнения (с. 90—95 немецкого оригинала), напоминающие скороговорки и основанные на звукописи слов немецкого языка (типа «на дворе трава, на траве дрова»), в предлагаемом издании опущены. — *Примеч. пер.*

<...>

Не следует считать, что предлагаемые речевые эзерсисы должны представлять собой осмысленные фразы, иначе это никакие не упражнения. Ибо смысл этих фраз поначалу слишком сильно отвлекает на себя наше внимание, заглушая в нас бессознательно-инстинктивное начало и обесценивая звучание произносимых слов. Поэтому в процессе произнесения слов следует иметь в виду, что мы в определенном смысле отделяем речь от нас самих, реально обособляем речь от самих себя. Не только написание слов может быть обособлено от нас самих, но и их произнесение.

Существует два вида написания слов. Первый заключается в том, что человек пишет эгоистически: очертания букв как бы заложены в особенностях его телосложения, откуда он и извлекает эти очертания. Такой прием широко применялся, когда обучение письму проводилось в купеческих школах для малограмотных приказчиков и тому подобной публики (возможно, это сохранилось до сих пор). Например, я однажды наблюдал, как учитель право-

---

писания в купеческой школе настаивал, чтобы учащийся выводил букву, держа в своем воображении некую извилистую линию. Ученик должен был учиться сначала проводить рукой в воздухе извилистые линии, а затем переносить их на бумагу. То есть акцент делался на руках ученика, на особенностях его телосложения: при написании было задействовано не что иное, как сама рука с ее индивидуальными особенностями. Другой вид написания слов базируется на чем-то неэгоистическом, отмеченном печатью самоотдачи. Он заключается в том, что человек пишет, можно сказать, не рукой, а с помощью глаз, постоянно разглядывая написанное. В сущности, он как бы не пишет, а осмысленно рисует буквы, поэтому их начертание в наименьшей степени определяется особенностями строения рук. В этом случае действуешь, как при рисовании, когда нет рабского копирования прописей, а даешь себе труд вырисовывать собственную подпись, форму которой изобрел ты сам. Ведь большинство людей предпочитает подписывать свое имя просто, автоматически — все делается самой рукой. Но кто

вкладывает в написание что-то художественное, те пишут с помощью глаз. Они прослеживают глазами начертание букв. Тогда написанное как бы отделяется от человека. Тогда человек может как бы имитировать процесс письма (хотя в определенном отношении практиковать это нежелательно), своевольно варьируя начертание на разные лады. Я не утверждаю, что это надо практиковать специально, но говорю, что существует такая крайность, когда человек во время письма словно бы рисует буквы. Это и есть незгоистическое письмо. И напротив, начертание, извлекаемое из особенностей телосложения, есть нечто собственническое, нечто эгоистическое.

Речь у большинства людей тоже эгоистическая. Она попросту вырывается из их органа речи. Но постепенно вы можете привыкнуть ощущать свою речь так, как если бы она овевала вас, как если бы слова летали вокруг вас. Можно совершенно реально ощущать свои слова как нечто автономное. Тогда речь отделяется от человека. Она становится объективной. Человек совершенно инстинктивно слы-

шит себя говорящим. При этом в процессе говорения его голова как бы увеличивается, и он чувствует вокруг себя зыбкую ткань звуков и слов. Постепенно человек приучается прислушиваться к произносимым им звукам и словам. И это может быть достигнуто как раз с помощью предложенных упражнений. Благодаря им человек не просто «трубит» в пространство (я здесь подразумеваю не громкость звука — можно «трубить» даже шепотом, когда человек говорит сам с собой и, случается, звук как бы непроизвольно срывается с губ), а своей речью реально живет в пространстве. Он чувствует в пространстве своего рода резонанс. В новейшее время широко распространились различные теории речи (учения о речи или теории практической речи, как вам угодно — на выбор), и авторы этих теорий дошли до полного абсурда: они утверждают, что допускается говорить, отягощая речь телесным резонансом, — брюшным резонансом, носовым резонансом и так далее. Но эти внутренние резонансы — всего лишь дурная привычка. Подлинный резонанс может быть только один, и это не тот резонанс, ко-

торый возникает, когда звук наталкивается на внутреннюю структуру носа. Подлинный резонанс мы чувствуем прямо перед собой — в пространстве, где звучит наша речь. И тогда она фактически обретает полнозвучность. Вообще же речь оратора должна быть полнозвучной — он не должен говорить, проглатывая слова.

Не подумайте, что для оратора это маловажно — наоборот, это в высшей степени важно. Ибо способность правильно донести что-то до слушателя всецело зависит от того, насколько мы в состоянии овладеть звучанием речи... Итак, нам следует заботиться не только о силе звучания слов, мы должны вкладывать себя и в формообразование звука — в плавную закругленность или в остроту звучания слова.

Если кто-то надеется стать оратором, пренебрегая всем этим, то он пребывает в таком же заблуждении, как душа человека в период между смертью и новым рождением, когда она подходит к моменту очередного возвращения на Землю и при этом не желает воплощаться, ибо ей претит заниматься формообразованием желудка, легких, почек и так далее. Суть искус-

ства речи состоит в том, чтобы привлечь все, что сможет сделать ее совершенной.

Итак, надо ценить организм речи и не забывать о «гении речи». Тогда ваша речь будет весьма плодотворной. Если внутренним образом не внимать собственной речи, то исчезнет ее образность, мысли сделаются неуправляемыми или вообще перестанут приходить в голову — речь станет выхолощенной, педантичной. Ведь как раз переживание звукописи — образного начала, заложенного в самом формообразовании речи, — извлекает из глубины нашей души не только эмоции, но и мысли, которыми нам надлежит поделиться со слушателями. Именно в переживании слова заложено нечто творческое, относящееся к душевному строю человека. Этого никогда не следует упускать из виду. Это необычайно важно, ибо порядок слов, формообразование слова и фразы непосредственно связаны со всем нашим организмом. Душевное состояние человека можно прочесть по выражению его лица, но всю внутреннюю суть этого человека можно понять исключительно по характеру его речи (я имею

в виду не то, что он нам говорит, а то, как он говорит).

Характер речи объективно свидетельствует о человеке в целом, включая и состояние его организма. И мы, всматриваясь в себя, — пусть и не столь внимательно, как врач, обследующий своего пациента, — все же должны не упускать из виду и наше физическое тело. Например, тому, кто по причине воспитания, а иногда и наследственности, предрасположен к педантичной манере разговора, недурно было бы попробовать преодолеть сухость своей речи при помощи возбуждающего чая — в строго контролируемых дозах. Как сказано, это требует определенной предусмотрительности. Кому-то подходит этот сорт чая, кому-то — другой. Протокольное чаепитие на дипломатических приемах — это, как я уже неоднократно говорил, хорошая возможность тонизировать себя, ибо дипломату нельзя быть вялым и скучным, ему надлежит энергично болтать, с необыкновенной легкостью перескакивая с предмета на предмет, и ни в коем случае не выглядеть педантичным. Так что чай — это, можно сказать, напиток дипло-

матов. А вот кофе стимулирует логику и помогает нам ясно излагать наши мысли. Поэтому журналисты, которые обычно по натуре не отличаются строгостью мысли, предпочитают писать свои статьи в кофейнях. Теперь, с появлением пишущих машинок, положение вещей изменилось, но раньше можно было повстречать в кафе целые полчища журналистов, скрипящих своими перьями и попивающих кофе, — только так они могли делать свои мысли понятными для читателей. Когда же ты чувствуешь, что перебрал по части чая, — это может быть уравновешено употреблением кофе. Это не врачебное предписание, но эффективность вышеупомянутых средств очевидна. Если кто-нибудь, к примеру, склонен примешивать к своим словам разные паразитарные звуки (допустим, через каждую пару слов произносить «э... э...»), то я бы посоветовал ему раза два в неделю по вечерам пить альпийский листовой чай, — и вскоре этот человек убедится в благотворном воздействии чая на качество речи.

Дело обстоит так: поскольку звучание речи отображает всего человека, то надо не упускать

из виду и диетические тонкости. Грубому подходу здесь не место. Разумеется, если оратор пропустил через свою глотку неумеренное количество пива или чего-нибудь подобного, это неблагоприятно отразится на его речи. Но это все-таки грубый пример. Кто тонко воспринимает речь, тот хорошо понимает, любит ли оратор чай или предпочитает кофе, нравятся ли ему овощи и фрукты или что-то другое. Все это отражается в речи с полной наглядностью, и с этим следует считаться. В эти тонкости человек вникает постепенно, по мере того как он учится чувствовать речь в своем окружении.

<...>

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 16 октября 1921 г.

<...>

Прежде всего, мне хотелось бы отметить: никогда не следует забывать, что оратор находится в существенно другом положении по отношению к своей аудитории, нежели писатель по отношению к читателям. Слушатель, если он чего-то не понял, лишен возможности вернуться к прочитанному и заново перечитать фразу. А читателю это доступно, и с этим необходимо считаться. Чтобы слушатель тебя понял, необходимо по ходу выступления многократно повторять то, что считаешь особенно важным, что считаешь ключевым для понимания целого. Разумеется, надо следить за тем, чтобы такие повторения не были одно-

образными, и давать их в разных вариациях. Нужно облекать ключевые моменты в разнообразные обороты речи, причем одновременно следя за тем, чтобы эти обороты не утомляли слушателя, не отягощенного избытком сообразительности. Иными словами, надо следить за тем, чтобы различные вариации одной и той же темы имели художественный характер.

И вообще художественный аспект речи — это то, чего никогда не следует упускать из виду, тем более когда предлагаемый материал связан с логикой и с жизненным опытом, а значит, взывает к рассудочным усилиям. Художественный элемент надо вкладывать в повторы и композицию речи тем настойчивее, чем больше вам приходится апеллировать к рассудку слушателя в стремлении добиться от него соответствующего напряжения мышления. Надо только учесть, что художественный элемент речи — это всего лишь средство, помогающее достичь понимания в той или иной аудитории. Повторение, к примеру, позволяет как бы облегчить задачу слушателя. Когда на разные лады делаются повторы, слушателю предостав-

ляется возможность не слишком цепляться за какой-то отдельный оборот или ряд оборотов, а уделять внимание тому, что говорится в промежутке, — так у слушателя возникает чувство освобождения, а это, в свою очередь, необычайно споспешествует пониманию.

Однако необходимо применять не только средства художественного построения речи, но также и другие приемы художественного воздействия. Возьмем, к примеру, такой случай, когда оратор в соответствующих местах ставит какой-то вопрос, то есть помимо обычных разъяснений обращается к своим слушателям еще и в вопросительной форме. Что, собственно, значит задавать своим слушателям вопрос? Вопросы, которым внимают слушатели, воспринимаются ими главным образом на вдохе. Ведь слушатель по ходу речи дышит: вдох-выдох, вдох-выдох. Это относится не только к произносящему речь, но в равной мере и к слушателям. И если оратор ставит вопрос, выдох у слушателя может остаться как бы не задействованным. Вдох — вот что подстегивается у слышащего вопрос. Это не противоречит тому,

что оратор, случается, задает свой вопрос как раз в тот момент, когда слушатель делает выдох. У слушателя происходит определенная «подстройка» слуха и дыхания: если вопрос совпадает у него с выдохом, то слуховое восприятие речи по-настоящему осуществляется в момент последующего вдоха. Короче, вдох существенно связан с тем, что преподносится слушателю в форме вопроса. Но благодаря тому, что именно вдох подстегивается заданным вопросом, весь процесс слушательского восприятия становится более внутренним. Вопрос как бы глубже проникает в душу слушателя, чем разъяснения.

Когда внимание слушателя занято разъяснениями, его восприятие речи равномерно распределяется и на вдох, и на выдох. И вообще разъяснения не должны проникать слишком глубоко — в частности, они не должны перегружать органы чувств.

Разъяснения, связанные с логикой, вообще составляют щекотливую проблему в сфере устной речи. Собирающийся выступать, оперируя исключительно логическими умозаключени-

ями, имеет прекрасную возможность усыпить своих слушателей. Ибо особенность логических умозаключений состоит в том, что они плохо воспринимаются на слух и как бы отключают способность к восприятию речи, — перестанешь нормально внимать логической составляющей, — а с другой стороны, и дыхание приходит в расстройство: становится сбивчивым и не успевает «подстроиться». Когда человек слушает логические разъяснения, дыхание должно оставаться на нейтральном уровне. Если этого не происходит, слушатель засыпает. А причина кроется в том, что восприятие на слух — это всецело органический процесс. Логические разъяснения как бы стремятся быть безличными, и это оборачивается дополнительными трудностями как для оратора, так и для слушателя.

Вот почему тот, кто собирается стать хорошим оратором и при этом быть логичным, должен облекать свою речь не в строгие логические формы, а употреблять фигуральные выражения. Вопрос тоже представляет собой некое фигуральное выражение. Фигуральным

выражением можно считать и случай, когда временами (я беру крайний случай) оратор сознательно говорит прямо противоположное тому, что собирается сказать, а слушателю, разумеется, прекрасно известно, что сказанное надлежит понимать наоборот, что фраза специально построена так, что ее следует понимать наоборот. Например, кто-нибудь говорит: этот Кулли¹ — набитый дурак; при сложившихся обстоятельствах это может оказаться довольно-таки неудачным оборотом. И напротив, удачно было бы сформулировать фразу так: с трудом верится, что кто-нибудь из сидящих здесь считает Кулли образованным человеком! В данном случае ваше высказывание определенно представляет собой противоположность реальному положению вещей. Но надо, естественно, кое-что сделать для того, чтобы ваша фраза не была понята буквально, и было ясно, что вы высказали нечто противоположное истине. Двигаясь в этом направле-

---

¹ *Максимилиан Кулли (1878—1936) — пастор в Арлесхайме, в непосредственной близости к Дорнаху.*

нии, причем с внутренним воодушевлением, можно надеяться, что ваша фраза имеет шанс превратиться в крылатую.

Вот я сказал, что фраза имеет шанс стать крылатой. А это уже образ. Можно услышать возражение: «У фразы нет крыльев, и она не может ни летать, ни ходить». Однако ж, вопреки всему — может! Достаточно вспомнить Гёте, который в глубокой старости подчас уставал говорить и, чтобы преодолеть эту усталость, продолжал разговор, прогуливаясь по комнате. В сущности, речь — это отображение всего человека, а значит, она может двигаться! И опять-таки чрезвычайно важно уметь озадачивать слушателя чем-то неординарным, чем-то непривычным для него.

Кроме того, искусный оратор не должен выдерживать свою речь в одном и том же тоне. Как известно, говорить монотонно — значит усыплять слушателя. Ибо любое повышение голоса вызывает у слушателя едва заметное шоковое состояние; то есть при каждом повышении тона слушатель переживает как бы внутреннюю встряску. А каждое понижение

тона, в отличие от повышения голоса, погружает слушателя в едва заметный обморок, который слушателю приходится преодолевать. Так что модуляция голоса заставляет слушателя соучаствовать в процессе речи, и это для оратора необыкновенно важно.

Еще весьма важно временами апеллировать к уху слушателя. Когда слушатель слишком погружен в себя, то нередко речь с определенными пассажами до него не доходит. Он начинает погружаться в собственные мысли. И это настоящее несчастье для оратора, когда слушатель погружается в собственные мысли и прекращает слушать, а потом, через какой-то промежуток времени снова включив слух, уже не попадает «в струю». Вот почему временами слушателя надо как бы «брать за ухо», а это случается, когда оратор применяет непривычный порядок слов и предложений. Ведь даже вопросительное предложение уже начинается с искусственной перестановки глагола и существительного, но надо уметь на разные лады менять порядок и других слов. Надо заботиться о том, чтобы многие фразы были по-

строены так, что глагол стоит в начале фразы, либо же фраза начинается с какой-нибудь другой части речи, нарушая привычный порядок слов. Тогда возникает нечто непривычное, активизирующее у слушателя способность к восприятию, и примечательно, что это относится не только к данной фразе, но и к следующей. А когда имеешь дело с особо чуткими слушателями, это распространяется даже и на пару последующих фраз, вплоть до конца абзаца, на которые вы внутренне разбиваете свою речь. Оратору обязательно следует учитывать эти внутренние закономерности. Лучше всего этому можно научиться, слушая какого-нибудь хорошего оратора и обращая внимание на то, как именно он это проделывает. Такие приемы ощутимо повышают образность речи.

Такой образности речи оратор во многом мог бы научиться у иезуитов (разумеется, только формально). Они прошли хорошую выучку. Речь иезуитов хорошо построена, упор делается на пафос и экзальтацию, но на первом месте у них всегда стоит образность. И мне в ка-

кой уж раз придется указать на одну превосходную речь иезуита, которую мне довелось однажды услышать в Вене, когда кто-то повел меня в церковь, где проповедовал знаменитый священник-иезуит. Темой проповеди была Пасхальная исповедь, и я приведу вам из нее впечатляющий отрывок. Он говорил примерно так: «Дорогие христиане, встречаются вероотступники, утверждающие, что Пасхальная исповедь установлена по произволу папы римского. Получается, что она исходит не от Бога, а от римского папы. Дорогие христиане, те, кто так думает, могут многому научиться из следующего примера: представьте себе, любимые мои христиане, что здесь стоит пушка. А возле пушки стоит канонир. У канонира в руках запал. Пушка уже заряжена. Сзади стоит офицер и командует. Когда офицер отдает команду: “Огонь!” — канонир поджигает запал. Пушка стреляет. Найдется ли среди вас кто-нибудь, кто станет утверждать, что этот канонир, выполняющий приказ стоящего выше по рангу, сам изобрел порох? Такого, дорогие христиане, никто из вас не скажет! Видите ли,

вот и римский папа — это такой же канонир, ждавший указания свыше, а затем получивший повеления насчет Пасхальной исповеди. И как канонир не сам изобрел порох, так и папа римский не сам открыл Пасхальную исповедь, а только исполнил повеление свыше». Все слушатели были потрясены такой проповедью и прониклись убеждением оратора!

Разумеется, надо знать жизненную ситуацию и душевный склад слушателей, но и сказанное выше тоже является неотъемлемой предпосылкой хорошей речи. В приведенном случае образ сам по себе полностью выпадает из общего хода мысли, но тем не менее слушатели по инерции продолжают следовать за направлением мысли, не ощущая, что сказанное было совершенно субъективным. Я также приводил яркий пример образной речи, принадлежащей Бисмарку (когда образ политика, несомого ветром, был перехвачен Бисмарком у оппонента и помог ему расчистить дорогу к слушателю).

Правильно понятые, такие приемы позволяют вам успешно применять художественные

средства, которые призваны полностью заменить собой то, чему не место в устной речи, — заменить чистую логику. Логика должна присутствовать в мыслях, но устная речь не должна изобиловать умозрительными логическими построениями (я имею в виду форму речи, то есть способ выражения мыслей). Разумеется, всякая нелогичность исключена. Но речь не должна быть скомпонована так, как komponуются звенья мыслей. Вы также заметите, что иногда в дебаты привносится нечто остроумное и добротное, однако его действие оказывается кратковременным. Долгосрочным действием обладает только образный компонент речи, причем в том случае, когда образ по своему значению далеко отстоит от основного предмета, обсуждаемого в вашей лекции. Тогда воспринявший этот образ сам освобождается от рабского следования чисто мыслительному содержанию речи.

Кроме того, это позволяет оценить пользу юмора при произнесении речи. Употребление юмора, не лишенного способности вгонять в слушателя некую информационную занозу, не

только украсит глубокую серьезную речь, но и облегчит ее понимание. Дело в том, что когда мы, как уже говорилось, хотим силой навязать свою волю слушателям, те ожесточаются; вот почему элемент воли надо облачать в образы, которые слушатель внутренне воспринимает как некую реальность. Сама речь должна быть этой реальностью. Может быть, вам станет понятней, что я имею в виду, если я приведу вам два примера дебатов. (Второй случай, кстати, не является чистым образчиком дебатов, но может быть полезен как пример употребления образов в устной речи.)

Видите ли, определенный успех в дискуссии зачастую сопутствует тем, кому свойственна субъективно окрашенная речь и кто хотел бы выглядеть остроумным. К примеру, таким острословом во времена оны был депутат немецкого парламента Мейер. Однажды в парламенте ожидалось выступление предводителя либерально-демократической партии. Председательствовал один из министров, приверженец этой партии. Либерально-демократическая партия не сходила у него с уст, что было не та-

кой уж редкостью и в выступлениях других депутатов. А остряк Мейер усмотрел в этом зацепку и, взявши слово, произнес примерно следующее: «Вот господин министр все время стоит горой за либерал-демократов, не перестает о них говорить. А я никак не возьму в толк, о чем, собственно, идет речь. Ну, „демос“ — это народ, значит, „демократическая“ — это от лица народа. А вот что такое „либерально-демократическая“? Этого никто не мог мне растолковать. Я рыскал по разным толковым словарям, но ничего вразумительного не нашел. И вот как раз перед самым выступлением я раскрываю один толковый словарь и вижу там такое определение: „Либеральничать — значит вольнодумствовать, хвастаться стремлением ко всему свободному, — таких еще называют „людьми без тормозов“, — часто для прикрытия каких-то эгоистических целей“¹. Так чем же это отличается от банального рвачества? Выходит, либерально-демократическая

---

¹ Ср. «Энциклопедический словарь Ф. Павленкова», 2-е издание. СПб, 1905. С. 1129. — *Примеч. пер.*

партия — это сборище рвачей и хапуг, вещающих от имени народа?¹»

Конечно, чтобы сорвать мгновенный смешок, годится добротная, смачная острота, но она не может, подобно занозе, зацепить слушателя глубоко, ибо в его подсознании при этом пробуждается едва заметное сострадание к объекту остроты. Это на первый взгляд парадоксальное явление коренится, скорее, в радости, приносимой самой шуткой, нежели в глубине ее содержания.

Обратное я обычно иллюстрирую примером, который приведу и сегодня. Будущий прусский король Фридрих-Вильгельм IV, тогда еще кронпринц, отличался большим остроумием. У его царствующего отца Фридриха-Вильгельма III был в фаворитах некто фон Клевиц. А кронпринц терпеть его не мог. Однажды во время придворного бала кронпринц подошел к этому Клевицу и сказал:

---

¹ В оригинале обыгрывается амбивалентное значение названия партии «das Lex Heinze Partei». — *Примеч. пер.*

— Дражайший, мне хотелось бы загадать вам одну загадку:

На первое — что-то вроде бублика,
На второе — формула необходимости,
А в целом — стихийное бедствие!

Фон Клевиц покраснел до ушей, поклонился и сразу же после бала подал в отставку. Король призвал его к себе и сказал:

— Никак не разберу, что вас так огорчило, мой дорогой Клевиц!

— Но, ваше величество, на вчерашнем балу кронпринц сказал мне что-то такое, после чего я не могу продолжать оставаться на своем посту.

— Этого быть не может! Ни за что не поверю, что кронпринц мог сказать такое.

— И все-таки это так, ваше величество.

— Что же такого сказал вам Кронпринц?

— Он сказал мне:

На первое — что-то вроде бублика,
На второе — формула необходимости,
А в целом — стихийное бедствие!

Не вызывает сомнения, что его царственное высочество кронпринц подразумевал меня.

— Да, это поразительно, мой дорогой Клевиц, но мне все же хотелось бы услышать об этом из уст самого кронпринца.

И король спросил у сына:

— Дорогой, вчера вечером вы тяжело оскорбили нашего дражайшего министра фон Клевица.

Кронпринц ответствовал:

— Я что-то не припомню, ваше величество. Если бы было сказано что-то из ряда вон выходящее, я бы не забыл.

— И все-таки это должно быть чем-то из ряда вон выходящим, — сказал король.

— Да, да, да, теперь припоминаю: я говорил нашему другу, что хотел бы загадать ему загадку:

На первое — что-то вроде бублика,

На второе — формула необходимости,

А в целом — стихийное бедствие!

Ведь он всего-то-навсего не сумел разгадать загадку! Так бедняга все принял на свой счет?

Король спросил:

— А какова же отгадка?

— Да вот:

На первое — что-то вроде бублика
(это ТОР),

На второе — формула необходимости
(НАДО),

А в целом — стихийное бедствие
(ТОРНАДО),

Смысл шарады: стихийное бедствие. И никаких намеков, ваше величество¹.

К чему я все это говорю? Я делаю это по той причине, что никому, кто рассказывает что-то в этом роде, придавая своим оборотам речи подобную форму, нет нужды доводить свое повествование до логического конца, ибо никто и не ждет, что оно будет доведено до графической наглядности — ведь каждый может сам представить себе соответствующие образы. И даже хорошо, что по ходу речи остается кое-

---

¹ В оригинале игра слов: сено (*heu*), страх (*schreck*), саранча (*heuschreck*) /народное бедствие/. — Примеч. пер.

что, что придется додумывать самому слушателю. Но когда ты шутишь, не подключая слушателя к процессу образного мышления, то и результат будет нулевой: получаем ноль в числителе и ноль в знаменателе.

Итак, дело сводится к тому, что наглядность речи повышается и благодаря тому, что слушатель действительно начинает ощущать: ему тоже надо внести свою лепту, ему следует додумывать услышанное. Естественно, что для этого в процессе речи требуется делать небольшие паузы. Эти речевые паузы тоже обязательно должны присутствовать.

Можно было бы очень многое сказать об этом — о форме речи, о ее построении. Ибо принято думать, что человек просто слушает ушами, однако это противоречит тому, что у многих слушателей отвисает челюсть, когда они усиленно тужатся, пытаясь что-то ухватить. Этого не происходило бы, если бы они слушали только ушами, как это принято думать. Но человек слушает также и своим органом речи. Речь оратора всегда воспринимается скорее органом речи слушателя, и его эфирное

тело постоянно повторяет услышанные слова, постоянно проделывает даже эвритмические движения, то есть те движения, которые входят в состав наших эвритмических упражнений. И только те, кто не изучал эвритмии, об этом, как правило, не догадываются.

Выходит, что звуки, производимые неодушевленными телами, скорее воспринимаются извне с помощью уха. А человеческая речь воспринимается так, что воздействие на ухо происходит изнутри. Этот факт известен немногим. Мало кто знает, как сильно отличается восприятие колокольного звона или какой-нибудь симфонии от восприятия человеческой речи, когда включается как раз внутренний слух. Все остальное воспринимается иначе — как звук, исходящий от какого-нибудь безжизненного предмета. К проявлениям внутреннего слуха относится и внутреннее восприятие собственной речи, то есть, формулируя фразы, ты одновременно оцениваешь их, являясь как бы сторонним критиком произносимого тобою. Я хочу сказать, что формулирование речи исходит из того же самого ис-

точника — внутреннего слуха, рождающего критический импульс в процессе внутреннего восприятия собственной речи.

Немаловажно, чтобы те, кто стремятся донести до публики идею трехчленности социального организма, делали это по возможности в художественной форме. Ибо, в сущности, сегодня (я на это уже указывал), когда заговариваешь о трехчленности с обычной аудиторией, сразу же наталкиваешься как бы на глухую стену и нежелание тебя слышать. И нам самим требуется всеми своими чувствами и ощущениями глубоко укорениться в теме, чтобы можно было рассчитывать на успех. Не то чтобы необходимо проникать в тайну успеха (вот уж чего не требуется) и приспособливаться к публике, желая понравиться ей. Это точно не должно являться целью. Но надо стремиться действительно быть в гуще событий, а такой поистине глубокий интерес к событиям нашего времени может быть пробужден только антропософией. Исходя из этого, а также из других оснований, тот, кто собирается плодотворно говорить о трехчленности,

должен внутренне проникнуться сознанием, что антропософия должна прийти в мир, дабы наши современники смогли постичь значение трехчленности социального организма.

<...>

Полное собрание сочинений
Рудольфа Штайнера (Gesamtausgabe) издается
Управлением наследия Рудольфа Штайнера.

В состав Управления также входит
Архив Рудольфа Штайнера,
продолжающий публикацию материалов
за счет пожертвований.

Информацию об Архиве и Международной
ассоциации архивов Рудольфа Штайнера

можно получить по адресу:
Rudolf Steiner Archiv, Postfach 135,
CH-4143 Dornach,
а также — <http://rudolf-steiner.com>

Рудольф Штайнер

Мастер-класс ораторского искусства

*Шесть лекций, прочитанных
в Дорнахе с 11 по 16 октября 1921 года*

Из библиот. № 339

Переводчик

С. Шнитцер

Редакторы

В. Гридасова,

Т. Гармаш

Компьютерная верстка

Л. Коджиброян

Корректор

Т. Медведева

Подписано в печать 01.02.11. Формат 70×100/32
Печать офсетная. Тираж 2 000 экз. Заказ 987

<http://longin.ru>

Издательство «Лонгин Гратаракчутюн».
375078, Ереван, ул. Башинджагяна, 189-12

При участии ООО «Эмпреза»

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати».
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14